

ЯН БАДЕВСКИЙ

НЕОС

ЦИКЛ «СИНГУЛЯРНОСТЬ»

Ян Бадевский

Неос

Серия «Сингулярность», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70432804

SelfPub; 2024

Аннотация

Далекое будущее. В недрах Юпитера поселился неос – сверхразумное существо, подчинившее человечество своей воле. Пришелец общается с людьми посредством Речи, воспринимать которую могут лишь генетически модифицированные послы. Тимур Войтицкий стремится к цифровому бессмертию, поэтому участвует в строительстве Сферы Дайсона. Внедренная личность руками Тимура убивает важного чиновника и стирает часть воспоминаний своего носителя. Это – начало становления пилота. И первый шаг к изменению баланса сил в Галактике.

Содержание

ПРОЛОГ	4
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. МОНТАЖ. 1	6
2	11
3	18
4	24
5	31
6	37
7	43
8	50
9	56
10	62
11	68
12	74
13	80
14	87
15	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ян Бадевский

Неос

ПРОЛОГ

Выйди за пределы сферы жизни и смерти, и тогда ты сможешь пройти через все кризисы спокойно и безопасно.

Морихей Уэсиба

Пилоту иногда снились события, свидетелем которых он не был. Днём существовали блоки, по ночам они рушились, и чужое подсознание затапливало его разум отголосками разрушения. Пилот тщетно пытался собрать мозаику из разрозненных локаций, но это ему не удавалось. Времена и пространства рассыпались ментальным песком, уносились прочь, а потом возвращались в иных комбинациях.

Настал день, когда кошмары отступили.

День столкновения.

Нечто пылающее явилось из бездны, чтобы обрушиться на земные колонии. Вспыхнули и пропали пересадочные станции. Вихрем перемен снесло могучие флоты.

Люди осознают произошедшее значительно позже.

И это осознание поставит человеческую расу на новый

Путь.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. МОНТАЖ. 1

Тимур, отработав полную смену на внешней поверхности Сферы, возвращался домой. Глубокая подключка сделала его движения вялыми и заторможенными. На губах оператора блуждала рассеянная улыбка.

Покинув нейробокс и отметившись на пропускном пункте, он выплыл в полутемный коридор. Здесь еще продолжалась установка осветительных панелей, а гравитаторы должны были подвезти через пару месяцев. Стандартных земных месяцев, а это долгий срок.

Сто метров полной невесомости.

Дальше – люки технических секторов и капсула Гиперпетли, несущая усталого оператора к обжитым районам.

Сфера уже была частично заселена. Замысел неоса позволял вводить в эксплуатацию отдельные кластеры, обладающие полной автономией, заполнять их людьми и продолжать экспансию. Работа шла непрерывно. Годами и десятилетиями. Веками. Даже представить страшно весь масштаб происходящего. Разбирались луны и астероиды, пригонялись кометы, конструировалась искусственная среда обитания. Колонии наноботов плавил стены, возводили переборки, тянули коммуникации. Операторы вселялись в роботов-монтажников и собирали энергетические ретрансляторы – основу будущей цивилизации.

Тимур Войтицкий отвечал за свой участок работы. И не вникал во всё остальное. Семьи у него не было, поэтому администрация кластера выделила одинокому технику двухместную жилую ячейку. Пять лет Тимур делил эту ячейку с инженером, проектировавшим генераторы энергетических щитов. То был неразговорчивый тип, постоянно погруженный в себя. Тимур подозревал, что парень все свободное время проводит в виртуальных конструктах. Конечно, он удивился переезду соседа – тот удаленно познакомился с парочкой марсианских красоток и вступил в полигамный брак. Такие вещи стали нормой в последние пятьдесят лет. Девушки переехали на Вторую Радиальную, и туда же перебрался молчаливый инженер. Сейчас Тимур жил один.

Вообще, кластеры были необъятны. Там хватило бы места на расселение всего человечества и еще нескольких звездных рас в придачу. Но это – после завершения строительства. А пока Сфера Дайсона не оформилась даже на десять процентов запланированного объема. Недавно возведенные кластеры были обесточены, их заселение начнется в лучшем случае через несколько лет. Переходные шлюзы в нежилые зоны опечатывались, за пределами переборок не было ни атмосферы, ни гравитации.

Всему свое время.

Тимур копил на аренду хранилища для своего разума и печать клонов для будущего внедрения. То есть – на бессмертие. Его практически не интересовала недвижимость,

его не тянуло слетать в отпуск на земные моря. Это стоило сумасшедших денег. Сначала – база. Максимально продлить свое существование, продвинуться по карьерной лестнице, а уж тогда...

Капсулы Гиперпетли стыковались в составы, мчались с бешеными скоростями по вертикалям и горизонталям, замирали на промежуточных станциях, вбирая или выпуская потоки пассажиров. В вакуумных тоннелях с отключенной гравитацией скорость капсул переваливала за две тысячи километров в час. Частные поезда высшего руководства могли двигаться еще быстрее. Поговаривают, что в будущем и эта транспортная система устареет. Внутреннее пространство Сферы будет оборудовано узлами для телепортации, но это – через добрую сотню лет.

Тимур откинул спинку кресла, вызвал на зрительный нерв меню настроек и погрузил себя на полтора часа в глубокий сон. Образы были стандартными – оператор заказал их в общедоступной базе данных. Полеты в разреженной марсианской атмосфере, ресторан с девушкой, легкая эротика и шорох волн далекого земного океана. До личной коллекции заархивированных воспоминаний Тимур не успел добраться.

Его выбросило из сна.

Сетевой сбой?

Моргнув, Тимур осмотрелся. Обычная капсула рассчитана на шестерых пассажиров, и все места были заняты еще сорок минут назад. Промежуточных остановок не предви-

делось – Тимур ехал экспресс-классом. Но сейчас он сидел в гордом одиночестве. Спутники куда-то исчезли, а капсула продолжала мчаться по вакуумному туннелю Центрального Кольца. Тимур послал мысленный запрос навигационной службе и вывел на зрительный нерв маршрут капсулы. Так и есть – красная точка отсоединилась от состава и теперь падала в один из вертикальных коридоров. Похоже, произошел сбой в программе движения.

Тимур вздохнул.

Бессмысленно спорить с транспортным ИИ, это всего лишь машина. Придется выходить на ближайшей станции и прокладывать новый маршрут домой. Навигатор подсказывал, что ближайшая стыковка с посадочной платформой произойдет через семь минут.

Ожидание.

Подобные неполадки случались и прежде, причем довольно часто. В новостных лентах сообщалось о том, что кластер обслуживается молодым ИИ, который быстро обучается. Столкновений не происходило – об этом позаботились разработчики тоннелей. Капсулы были оборудованы аварийными автопилотами и генераторами силовых полей, что сводило вероятность катастрофы к нулю. А вот пробки три года назад были нормальным явлением.

Капсула мягко затормозила.

Тимур шагнул на стыковочную платформу и запоздало сообразил, что его вынесло к административному уровню.

Странно, подумал Тимур, сюда ведь не каждый может попасть. Требуется допуск.

Шлюз за его спиной сомкнулся.

И в этот момент начали происходить необъяснимые вещи. Тимур утратил контроль над собственным телом, превратился в стороннего наблюдателя. Казалось, чей-то агрессивный разум вытеснил Тимура на периферию и начал действовать по своему усмотрению. Все каналы, связывающие оператора с имплантами, были перекрыты. Он не мог выйти в Сеть и позвать на помощь.

Правая рука Тимура выпрямилась, и в ладони за считанные секунды собралось оружие. Он понимал, что это сделала колония наноботов по заранее вложенным в память чертежам. Но кто и когда мог сотворить такое?

Оружие было массивным, отдаленно напоминающим пистолеты штурмовиков из антитеррористических отрядов. Рукоять подстроилась под ладонь Тимура. Нейровставки синхронизировались с интерфейсом «пушки» – образовался безупречный симбиоз.

Ноги Тимура двинулись к противоположному краю платформы. Мимоходом оператор отметил стандартный уровень гравитации... А потом к платформе прибыла частная капсула, из которой вышел человек в строгом деловом костюме. Световая татуировка за правым ухом говорила о принадлежности мужчины к одному из правительственных комитетов.

Тимур поднял руку и в упор расстрелял пассажира.

2

Лучшие представители человечества перебираются на поверхность Сферы – и это уже не остановить. Инженеры, пилоты, операторы, проектировщики нейросетей, специалисты по терраформингу... Все, кто хочет повысить социальный статус и заработать на продление жизни. Беспрецедентная миграция. За последние десятилетия повысилась роль дистанционного образования – люди массово подключаются к виртуальным университетам, чтобы добраться до заветных технических уровней. Рынок имплантов памяти и обучающих ментальных программ расширился до невообразимых пределов.

Сфера нуждается в умных людях.

И Сфера их получает.

Линдсей Кано думал о происходящих изменениях, стоя на обзорной палубе правительственного космолета. Его миссия подходила к концу – полосатый диск Юпитера неотвратно разрастался на панорамных экранах. Казалось, посол стоит на террасе фешенебельной гостиницы с остеклением от пола до потолка, а за окном, расчерченным вертикальными линиями через равные промежутки, притаилась ночь. И эта ночь затягивает в свою бездонную пасть, сулит неведомые ужасы, грозит неизвестностью. Минули тысячелетия, усмехнулся Кано, а первобытные страхи так и не вымело из нашей

подкорки.

Разумеется, никакого окна не существует.

Кано смотрел в переборку, облицованную экранами с высоким разрешением. Дальше – системы жизнеобеспечения, чувствительная сенсорная кожа корабля, слой брони и силовые поля, защищающие экипаж с единственным пассажиром от холода, тьмы, метеоритов и солнечной радиации.

Юпитер приближался.

Космолет еще две астрономических единицы назад перешел в режим плавного торможения. Скорость едва ли достигала десяти процентов от первоначального показателя, но даже сейчас она была чудовищной. Капитан выводил корабль на высокую орбиту – таков был замысел. Компенсаторы гасили любые перегрузки, поэтому Линдсею казалось, что он стоит на статичной палубе. Гравитаторы без всякого вращения обеспечивали земную силу тяжести. Одна из технологий, усовершенствованных неосом.

Посол испытывал легкое волнение. Он относился ко второму поколению дипломатических сотрудников, генетически модифицированных для восприятия Речи. До 2176 года неос сам выбирал представителей рода человеческого, способных длительное время выдерживать общение с ним. Благодаря этим посредникам удалось наладить контакт, но побочные эффекты не доставляли радости носителям Речи. Дело в том, что разум Покровителя намного опередил эволюционно слабые земные интеллекты. Часть понятий и терми-

нов не воспринималась контактерами – даже образная система чужака не поддавалась расшифровке. Кроме того, длительное ментальное взаимодействие разрушало нейронные связи в голове Избранных. Многие сходили с ума и умирали. Рекордсменом был Николай Живкович, продержавшийся четырнадцать лет. Остальные выдерживали максимум четыре года. Учитывая возросшую плотность общения неоса с людьми, количество смертей росло как снежный ком, находить добровольцев стало сложно. И тогда ведущие институты Солнечной системы объединились, чтобы вывести контактные группы на новую ступень.

Появились потомственные послы.

Идея была в том, чтобы модифицировать дипломатов на генетическом уровне и закрепить эти изменения в последующих поколениях. Разумеется, конструкторы ДНК понимали, что зарождается каста Избранных – тех, кто в теории может воспользоваться привилегированным положением и узурпировать власть в Солнечной системе. Чтобы этого не произошло, послам имплантировали дополнительные вставки памяти, на которые записывались все диалоги с неосом. Да, идеально зафиксировать Речь нельзя – это выше человеческого понимания. Но дипломат, общаясь с Покровителем, переводит чужой поток сознания на родной язык и ведет внутренний диалог. Эта информация автоматически пишется на носитель. Своеобразный «черный ящик». Помимо этого, земляне объединили искусственные разумы и перебрава-

шихся в Сеть отшельников в своеобразную мыслящую среду, частью которой должны были стать послы. Раз в десятилетие послы подключались к мыслящей среде и проходили полный ментальный мониторинг.

Речь воспринималась послом в любой точке Солнечной системы. Но впитать все оттенки сказанного можно было лишь в одном месте – на орбите Юпитера. Поэтому в двадцать третьем веке сложилась традиция: если неос хотел сообщить человечеству нечто важное, представитель расы-симбионта отправлялся к газовому гиганту. Такое паломничество считалось большой честью и выпадало на долю не всякого дипломата.

Линдсей Кано был одним из лучших в Корпусе.

И ему повезло.

Неос связался с Линдсеем и вызвал на орбиту Юпитера для выдачи неких инструкций. Линдсей незамедлительно подключился к мыслящей среде, нырнул в рабочий конструкт с ограниченным кругом пользователей и выложил в открытый доступ полученное сообщение. Старейшины дипломатических родов, посоветовавшись, одобрили его кандидатуру. Правительство Сферы тотчас выделило подходящий корабль. Через пять часов Линдсей покинул зону жилых секторов и устремился вглубь Солнечной системы, развив максимальную скорость.

Теоретически расстояний для Речи не существовало. Неосы общались между собой в межзвездных пространствах

на протяжении многих тысяч лет. К моменту официального вступления в Корпус Линдсей уже знал, что в Галактике существуют сотни культур, эволюционировавших до второго типа по шкале Кардашева. В подавляющем большинстве эти культуры совершили скачок в развитии благодаря вмешательству неосов. Покровители умели перемещаться среди звезд с околосветовыми скоростями – они странствовали в поисках подходящей среды обитания веками. Подходящей средой считались газовые гиганты юпитерианского типа – чем больше, тем лучше. Второй критерий выбора – наличие пригодных для белковой жизни планет и цивилизаций, обладавших зачатками разума. Поселившись в недрах гиганта, Покровители терпеливо ждали своего часа – времени, когда опекаемая ими культура освоит межпланетные перелеты. Дальше начинались переговоры с позиции силы, неизбежно завершавшиеся капитуляцией слабой расы и долгосрочным симбиозом. Изредка вспыхивали конфликты и мятежи, которые урегулировались без особого труда. В итоге Сферы Дайсона, жесткие экваториальные кольца, Структуры Крисвелла и Раковины Покровского начинали обеспечивать энергетические потребности цивилизации, приводили к ее процветанию и снимали с повестки дня любые вопросы о свободе выбора. Этот путь был уготован и землянам.

Речь распространялась не то чтобы мгновенно, но очень быстро. Принципы передачи информации неосов изучались земными институтами давно, но существенных сдвигов в

этой области достичь не удалось. Пока мыслящая среда смирилась с простым фактом: чужаки общаются между собой регулярно, и пакеты отправляемых в пустоту данных за несколько минут могут покрыть дистанции в сотни световых лет. Это позволяет расе Покровителей координировать свои действия и приходить на помощь соседям в случае внешней агрессии. Как правило, между симбиотическими звездными системами устанавливались дипломатические контакты, велась торговля и обмен технологиями.

Вот только не все существа были подготовлены к восприятию Речи достаточно хорошо. Люди, например, считались аутсайдерами. Большие расстояния снижали точность восприятия образов даже у модифицированных посланников. Поэтому неос, обитающий в глубинах Юпитера, ограничивался примитивными посланиями большую часть года.

Линдсей не знал, что его ждет.

Опыт предшественников был многообещающим. Указания по оптимизации энергопотребления, советы по выстраиванию правящих иерархий, подаренные подопечным технологические разработки, эффективные экономические модели. Те же искусственные солнца, безынерционные двигатели для истребителей, новые сплавы и материалы. Всего не перечесть.

Диск Юпитера сместился к правым секциям обзорной палубы. Космолет ложился на высокую орбиту.

Линдсей уставился на Красное Пятно.

Внутри посла что-то шевельнулось.

3

Дюран проснулся от чувства потери.

Ночью что-то случилось, и по мыслящей среде пошли волны непонимания. Вставки восприятия вибрировали, усиливая общий уровень тревожности. Дюран мог подключиться к среде прямо сейчас, но он не стал этого делать. Хотелось больше определенности, больше фактов.

Ночь на поверхности Сферы – понятие относительное. Мегаструктура не имела никакого отношения к вращению планет, суточным циклам и прочим условностям, веками определявшим биологическое восприятие времени. Но природу не обмануть – люди нуждались в закатах и рассветах. Поэтому суточный цикл, настроенный по земному стандарту, регулировался искусственно. Неизменным оставалось освещение лишь на технических уровнях, платформах Гиперпетли и в коммуникационных тоннелях. Подсветка жилых ячеек в автоматическом режиме гасилась и активировалась – плавно, без участия человека. Конечно, хозяева квартир меняли алгоритмы в зависимости от своего графика и настроения. Но в местах общего пользования за смену дня и ночи отвечал искусственный интеллект. Существовали обширные рекреационные зоны – парки, сады, заснеженные территории для лыжников и сноубордистов. Там поддерживался определенный микроклимат, а голографические экра-

ны имитировали земное небо. Дюрану доводилось прогуливаться и по дождливым секциям, пользующимся популярностью у выходцев из Юго-Восточной Азии, и по пустынным областям, имитирующим Сахару, и по горным тропам для любителей трекинга.

Рекреационные зоны, в большинстве своем, были многоуровневыми. Толщина Сферы ограничивалась несколькими сотнями метров, а вот горизонты и вертикали громоздились до бесконечности. Изгибы, формирующие шарообразную структуру, не воспринимались визуально – масштабы были запредельными.

Накануне вечером Дюран прогуливался по осеннему парку, дорожки которого плавно поднимались вдоль стен и вращались в мостики с высоким ограждением. Возникло ощущение подъема по бескрайнему термитнику, секции которого кто-то заполнил деревьями, подлеском и нарочито неподстриженными газонами. Создавалась иллюзия легкого запустения, экзистенциальной заброшенности. Желто-красная листва шуршала под ногами, а над головой, перечеркивая голографические небеса, вились десятки ажурных мостов. Чем выше поднимался Дюран, тем сильнее ощущались конвекционные потоки, заменявшие обитателям Сферы обычный ветер. Пахло землей, перегноем и вентиляционными шахтами. Вдалеке гроыхнуло – собирался дождь.

Дюран, будучи уроженцем Земли, так и не смог привыкнуть к перспективам, открывавшимся внутри обжитых сек-

торов. Две вертикальных стены в рекреационных зонах могли отстоять друг от друга на полсотни метров, но при этом тянуться к недостижимым далям в вертикальном разрезе. Словно попадаешь в учебник геометрии, написанный сумасшедшим профессором.

Изредка Дюрану снился город, разверзающийся под ногами и перестраивающий здания в две бескрайних стены. Ты падаешь, как это бывает в детских кошмарах, и не можешь достичь дна. А вокруг – нагромождения витрин, перекошенных мостов, торчащих из стен фонарей и замкнутых на мертвый канал плазменных билбордов. Ты пролетаешь мимо старинных террас с растрескавшимися балясинами, канализационных люков и черепичных крыш. Ты падаешь...

В эту ночь ему снова привиделся старый кошмар.

И что-то случилось.

Дюран отправился в душ, наскоро привел себя в порядок и перекусил. Кристер, самообучающийся квантовый компьютер последнего поколения, отлично готовил. Вещи подчинялись Кристеру, образуя прочную симбиотическую цепочку. Поэтому ровно в девять видеостена столовой активировалась, чтобы показать хозяину скопившиеся за сутки уведомления. Дюран предпочитал просматривать информационные блоки именно в таком формате – эхо устоявшихся привычек.

Ячейка Дюрана располагалась в Десятом Кластере – самом благополучном, уважаемом и защищенном из

всех. Здесь обитали послы, представители комитетов и технократическая элита. Дюран принадлежал к числу главных аналитиков Сферы, он отвечал за прогнозирование будущего. А это – пропуск в зону избранных. Впрочем, переселение на поверхность строящейся мегаструктуры не радовало аналитика – ему больше нравилось жить на Земле. К мыслящей среде можно было подключаться из любой точки Солнечной системы, не говоря уж о физических путешествиях через болванки. Поэтому решение неоса перевести лучших специалистов на периферию неприятно удивило Дюрана. Но спорить с Покровителем никто не осмеливался уже несколько десятилетий.

– Стоп, – сказал Дюран. Его компьютер был настроен на голосовые команды. – Отмотай назад.

Аналитик успел расправиться со стейком и тыквенной кашей, когда одно из сообщений привлекло его внимание. Похоже, запись была доставлена час назад и имела приоритетный статус.

– Это срочное послание, – укоризненно произнес Дюран.

– Я знаю, – согласился Кристер. Голос у компьютера был строгим, но приятным – Дюран несколько дней потратил на настройку тембра. – Но ты неоднократно говорил, что срочных посланий не бывает. Что нужно мыслить глобально и все такое...

– Конечно, – отмахнулся Дюран. – Ты прав.

– Спасибо за понимание, – голос Кристера потеплел.

– Запускай, – Дюран нетерпеливо махнул вилкой.

Кадры сообщения замелькали в обратном порядке, затем двумерная картинка со звуком оживила пространство столовой. Верх минимализма, как сказали бы коллеги Дюрана.

На экране появился Андрей Колосовский, один из высших функционеров Департамента Безопасности Земли. Сорокалетний мужчина в строгом костюме, больше напоминающем френч. Редкие седые пряди, массивная челюсть. Довольно представительный вид, биоинженеры постарались на славу.

– Дюран, – лицо Колосовского несло на себе признаки усталости. – Мы ждем тебя на экстренном совещании. Убит Серадж Неру, его проекты заморожены. Подключайся незамедлительно.

Вот она – потеря.

Дюран замер, осмысливая произошедшее. Серадж Неру возглавлял комитет Дальней Разведки – открывал неизведанные миры и прокладывал туда червоточины. Неосу требовался строительный материал для возведения Сферы Дайсона, а планеты Солнечной системы никто уничтожать не хотел – там жили люди. Поэтому межзвездные перемещения развивались семимильными шагами. Идея была в том, чтобы разбирать «бесхозные» планеты и астероиды, расположенные в слабозаселенных секторах Галактики. Дюран искренне надеялся на то, что однажды интересы человечества не пересекутся с интересами какой-нибудь могущественной и

воинственной расы, готовой развязать космическую войну. Впрочем, пока неосы представлялись доминирующей силой.

Странно, подумал Дюран, что сообщение прислал Коло-совский. Дело слишком серьезное, этим должен заниматься Вейшенг У.

– Мы закончили? – спросил Кристер.

– Да, – Дюран одним глотком допил яблочный сок и оставил пустой стакан. – Я подключаюсь.

4

Человек с узким разрезом глаз прокладывал путь через толпу. Обычный прохожий, таких – тысячи. Средний рост, скуластое лицо, короткая стрижка. Потертые брюки свободного кроя и клетчатая рубашка навыпуск. Старенькие, но добротные ботинки. Никаких украшений, новомодных светящихся татуировок и приращений.

Просто человек.

Вокруг громоздился Таардус – город, построенный забытой расой сто тысяч лет назад. Город-перекресток, пристанище дипломатов, торговцев, военных и всякого сброда, сбежавшего из Солнечной системы вслед за первыми колонистами. Гиперборея была связана червоточинами не только с внешней поверхностью человеческой Сферы, но и с десятками других мегаструктур по всей Галактике. Здесь торговали, менялись технологиями и разведанными, создавали подобие офшорных зон. Сюда прибывали корабли дружественных и нейтрально настроенных рас, не сумевших или не захотевших по каким-то причинам войти в симбиоз с неосами.

Ничейная земля.

Именно так Таардус называли офицеры оборонных ведомств. Лоскутное одеяло, состоящее из сфер влияния, темных анархических участков и укрепленных островков дипмиссий.

Гиперборея вращалась вокруг белого карлика в полутора тысячах световых лет от Земли. Невообразимо далеко – подобные расстояния человеческий мозг не способен вобрать в себя и осмыслить. Технология червоточин стерла эту дистанцию, низвела ее до нуля. Тыходишь или влетаешь в портал и оказываешься в чужом мире. Звездолеты, по сути, не требуются.

Конечно, есть меры безопасности. Ничейная земля – это не территория неосов. Поэтому добираться сюда нужно с двумя пересадками. Промежуточное звено – боевая станция, оснащенная ракетными и лучевыми установками, рельсовыми пушками и ангарами, в которых ждут своего часа истребители. Точка выхода земной червоточины отстоит на половину астрономической единицы от опорного пункта людей. Достаточно, чтобы привести все системы в боевую готовность. А вот второй канал пробит напрямиком в Таардус – в зону влияния землян. Космолет проваливается в небытие на долю секунды, а затем на обзорных экранах вырисовывается город. Чужой и непостижимый.

Ты видишь древние здания, словно отлитые из черного стекла или ртути – они поглощают яркие лучи белого карлика и отбрасывают причудливые тени на тротуар. В одну сторону до самого горизонта простирается пустыня, в другую – новостройки, перемешавшиеся с наследием некогда великого народа. Ты видишь многоступенчатые зиккураты снубов, приверженцев строгой геометрии и убежденных мегало-

манов. Рядом громоздятся живые конструкции эктарийцев – дышащие дома, постоянно разрастающиеся, мутирующие, стареющие и умирающие. Чуть дальше – улы воксян, насекомоподобных существ, обладающих коллективным разумом. Всюду – движение. Тротуары заполнены людьми, фантазмагоричными обитателями ночных кошмаров, колесными машинами и механизмами на воздушной подушке. В блеклом небе снуют нескончаемые потоки летательных аппаратов... Ты видишь космопорт Южного Таардуса и понимаешь, что корабль идет на посадку. Обшивка настроена на умеренную прозрачность, верхние секции затемнены. Спустя пятнадцать минут ты выходишь и погружаешься в полуденный зной.

Город-перекресток выстроен посреди пустыни, в субэкваториальной климатической зоне. Ученые говорят, что когда-то здесь шумели леса, а прибой лизал каменные плиты набережной. Сейчас, в самое жаркое время года, температура может подниматься днем до сорокаградусной отметки, а ночью опускаться почти до нуля. А еще по ночам выкапываются неведомые хищники, влезают в незащищенные силовыми полями кварталы бедняков на окраинах и пожирают всех, кого встретят на пути. К счастью, эти районы находятся за пределами человеческой дипмиссии.

Город был очень большим, по нему можно путешествовать неделями. Гиперборейские сутки равнялись тридцати земным часам – показатель внушительный. Год на Гипербо-

рее укладывался в сто восемьдесят три дня. Зимой в пустыне мог выпасть снег, так что приходилось носить теплую одежду и выставлять термостат на приемлемую отметку. А еще – включать подогрев полов.

Дело близилось к зиме.

Человек шел по извилистой улице нейтрального района, раскинувшегося между владениями людей и шакалов. Тут селились преимущественно беглецы, нарушившие закон в пределах Солнечной системы и сумевшие благополучно скрыться. Их не трогали. Дипмиссия нуждалась в подобном буфере – никто не хотел иметь шакалов в роли соседей.

Был ли он в восторге от этого мира?

Нет.

Просто работа. Грязная и рутинная работа человека, отправившегося в добровольное изгнание. Сделал выбор – отечай. Карма, если угодно.

Человек не отвлекался на рекламу и стоявших у тротуара шлюх, не подключался к развлекательным каналам и земным конструктам. Справившись с возложенной на него задачей, он просто возвращался домой. Пешком, чтобы не оставлять электронных следов и не привлекать к себе лишнего внимания. Улица, по которой он шел, пользовалась дурной славой. Еще хуже дела обстояли со зловонными ответвлениями, которые гордо именовались переулками. Здания были высокими и однотипными – их возвели наноботы по стандартным чертежам. Со временем верхние этажи начали срастать-

ся, выстреливая крытыми галереями и шаткими решетчатыми мостиками. Кое-где появились террасы, переделанные в забегаловки под открытым небом. Никакого общественного транспорта и коммунальных служб. В лучшем случае – мелкие компании, оказывающие услуги по вывозу мусора и поддержанию инфраструктуры в рабочем состоянии. Эти фирмы конкурировали между собой, их «крышевали» преступные боссы. Это же относилось к таксистам – все они были чьей-то собственностью.

Иди, не задерживайся.

Главный принцип улиц.

Что-то заставило прохожего замедлить шаг и остановиться. Справа от него громоздилось несуразное десятиэтажное здание с уродливыми выступами балконов и частично заколоченными окнами. Из патрубка допотопного кондиционера на углу сочилась влага. Справа виднелся темный провал, накрытый каменной аркой, из которого доносилась возня, грубые мужские голоса... и один детский.

Крик.

Прохожий, не задумываясь, свернул в переулок и направился в его дальний конец. Все фонари были разбиты, небо скрывало длинное перекрытие террасы на уровне третьего этажа. Прохожий активировал ночное зрение. Справа и слева проступали дверные проемы, очертания мусорных баков, камер наблюдения и коробок кондиционеров. Под ногами валялись бумажные пакеты, похрустывало битое стекло.

Нестерпимо воняло пищевыми отходами, сточной канавой и дешевым алкоголем.

Человек ускорил шаги.

Слева чернели глыбы мусорных контейнеров, увенчанные шапками из целлофановых пакетов и старого тряпья. У дальнего бака шевелился оборванный бродяга, укрывшийся куском картона. А в пяти шагах от прохожего трое головорезов прижали к стене мальчишку лет десяти.

Прохожий быстро оценил ситуацию.

Мускулистый снуб, покрытый чешуей и носящий традиционную набедренную повязку. Один человек, бугристая мускулатура которого намекала на работу подпольного биоскульптора. И киборг, переделанный модификаторами до неузнаваемости. Прохожий решил начать со снуба – тот стоял ближе.

Чужой был на три головы выше прохожего – крепкий рептилоид с горящими в темноте желтыми глазами. Прохожий ударил ногой в сгиб левой лапы, перехватил когтистую пятерню с вживленными стальными лезвиями, резко потянул на себя и вверх. Что-то хрустнуло, упавший на колено пришелец взревел. Прохожий толкнул рептилоида под ноги киборгу и переключился на «качка». Ухмыльнувшись, противник выбросил вперед массивную лапищу, целясь кастетом в нос непрощенного гостя. Прохожий нырнул под руку и нанес серию точных ударов. Ребра, колено, кадык. Мускулистый землянин с хрипами повалился в мутную жижу, выте-

кающую из-под контейнера.

Киборг метнул нож.

Прохожий сместился в сторону, задействовав нейроусилители. Со стороны это выглядело так, словно темное пятно размазалось по переулку, оказавшись в нескольких местах одновременно. Парнишка заворуженно следил за происходящим. Киборг тоже ускорился, нанося удары ножом туда, где раньше стоял оппонент. Вот только попасть в противника существо не могло. Натужно гудели сервоприводы, лязгали клыки переделанной челюсти, нож со свистом рассекал затхлый воздух переулка. А неуловимое пятно наносило удары. Страшные удары, от которых гнулись нарощенные щитки, ломались армированные костные модули, повреждались внутренние органы. Бой занял несколько секунд. И пятно успокоилось.

Трое нападавших лежали, издавая жуткие звуки. Рептилоид пытался отползти в сторону. А прохожий спокойно изучал мальчишку, которого только что спас. Копна русых волос, приличная одежда – даже по меркам дипмиссий и пересадочных станций. Испуг в глазах.

Мальчик вжимался в кирпичную стену. Похоже, тут есть и дома с ручной кладкой, отметил про себя прохожий.

Улыбнувшись, он произнес:

– Как тебя зовут?

5

Тимур застыл, в ужасе глядя на содеянное. Функционер и его охрана. Три тела, под которыми расплываются темные лужи. Гулкая тишина. Воспоминания о выстрелах. Оружие действовало без отдачи и шума, наведение было автоматическим.

Контроль над телом постепенно возвращался.

Тимур отбросил пистолет – ствол с глухим стуком ударился о мраморную плиту... и начал плавиться. Казалось, невидимые руки мяли оружие, сглаживали выступы, вдавливали инструмент смерти в пол. Пара секунд ушла на разложение. Остатки пистолета превратились в серебристую лужицу и начали испаряться. Прежде оператор не сталкивался с подобными фокусами.

Хочешь выжить?

Насмешливый голос прозвучал в голове оператора. Тимур вздрогнул. Похоже, им управляют на расстоянии.

Ты не прав. Я внутри тебя, это не дистанционный контакт. Блокировка импульсов отнимает уйму энергии, так что наслаждайся временной свободой действий.

Тимур открыл рот, чтобы вступить в диалог, но понял весь абсурд происходящего. Диалог разворачивался у него в сознании.

Кто ты?

Голос ответил достаточно быстро.

Сейчас это не важно. Мы с тобой находимся в одном теле, и этому телу угрожает опасность. Вот что важно.

Тимур сглотнул.

Логика подсказывала, что его руками неведомые преступники убили важного человека. Кого-то из верхушки, из комитетов. И скоро на станцию придут стражи. Или агенты каких-нибудь тайных спецслужб.

Вижу, ты понял. Готов действовать?

Тимур осознавал, что ситуация выходит за рамки повседневности. Некий разум делит с ним одно тело. Как это могло произойти? Откуда взялось это существо? Вопросы важные, но их придется отложить на потом.

Руководи.

Оператор прислушался к трубам Гиперпетли. Ничто не указывало на приближение цепочки состыкованных между собой капсул.

Нам придется покинуть этот уровень через технический люк. Следуй моим инструкциям, не отвлекайся.

Тимур обогнул мертвецов по широкой дуге и уверенно направился в дальнюю часть платформы. Он не мог взять в толк, почему платформа пуста – никаких запоздалых пассажиров, прогуливающих стражей... Вообще никого. Позже выяснится, что искусственный интеллект, отвечающий за транспортные развязки, был взломан, а платформа получила статус карантинной зоны. Убийство функционера было тща-

тельно спланированной акцией – в этом не приходилось сомневаться.

В пяти шагах от выхода в жилой сектор Тимуру пришлось остановиться, присесть на корточки и приложить палец к едва заметному открывающему сенсору. С тихим шелестом сдвинулся метровый участок пола, под которым обнаружилось квадратное отверстие. Тимур сел на край ямы, нащупал ногой вмурованную скобу, вздохнул и начал долгий спуск в техническую шахту. Люк вернулся на прежнее место, отрезая злополучную платформу. Включилось тусклое освещение – длинные полосы, реагирующие на присутствие человека.

Чем ниже спускался Тимур, тем явственнее ощущался гравитационный перепад. Тело сделалось легким, от резких движений оператор подскакивал вверх на металлических скобах. Приближалась зона невесомости.

Прыгай.

Тимур отпустил руки и плавно скользнул вниз. Он падал как в замедленном сне, не в силах достичь дна необычного колодца. Мимо проплывали решетки вентиляционных шахт и круглые люки горизонтальных тоннелей, по которым сновали ремонтные роботы. Через пару десятков метров падение прекратилось – на этом участке шахты гравитаторы были отключены.

Вниз.

Пришлось подчиниться. Рядом со светящимися полоска-

ми виднелись указатели, позволяющие сориентироваться в вертикалях. Тимур оттолкнулся ногами от металлической скобы и поплыл «вниз» – как и все обитатели дальнего космоса он умел обходиться без силы тяжести.

Шахта влилась в горизонтальный тоннель, и Тимур получил приказ двигаться по красным указателям. Проплыв около трехсот метров по прямой, он начал медленно оседать на ребристый пол.

Гравитация возвращалась.

С каждым шагом Тимур чувствовал, как его тело набирает массу. Десять метров – и мышцы оказались во власти земного стандарта. Один «же». Универсальная норма для освоенных миров Солнечной системы. И для Сферы – тоже.

Грузовой лифт.

Тимур остановился на пяточке, образованном тройной развилкой. Один из горизонтальных тоннелей был погружен во мрак. Над головой промчался ремонтный робот – гладкий шар с утопленными в пазах манипуляторами. Двери лифта были обозначены диагональными полосками оранжевого и черного цветов. Протянув руку, Тимур коснулся биометрического сенсора. Створки с тихим шелестом разомкнулись.

Ты дал мне доступ ко всему на свете?

Не отвлекайся.

Тимур шагнул внутрь, и голос любезно подсказал ему комбинацию цифр, снимающую ограничение на габариты перевозимого груза. Дальше – номер яруса. Напряженное

ожидание и стремительный подъем. К горлу подкатил комок – лифт не был рассчитан на транспортировку пассажиров.

Держись.

Гравитационный перепад застал оператора врасплох. Две трети «же» куда-то испарились, Тимура подбросило к потолку. Больно ударившись об уретанопластовую накладку, он выругался.

Я предупреждал.

В следующую секунду гравитация восстановилась. Тимур упал на колени и едва не расшиб себе челюсть. Да, этот вечер ему запомнится надолго. Главное – пережить ближайшие часы.

Лифт замер.

Подчиняясь инструкциям внутреннего голоса, оператор углубился в хитросплетения технического лабиринта. Тимур и представить себе не мог, что изнанка кластера настолько обширна. Трапы, выдвижные пандусы, бесконечные тоннели и шахты, боксы с оборудованием, складские помещения, ангары с законсервированными машинами... Всё это производило впечатление даже на человека, привыкшего подключаться к монтажным дронам и транспортникам, выпадающим из червоточин.

Куда мы идём?

Скоро узнаешь.

Уровень тревожности нарастал.

Я хочу знать, что происходит. Почему я убил тех людей?

Кто ты такой и что делаешь в моей голове? Хочешь выбросить мое тело в иллюз?

Последнее предположение развеселило неведомого собеседника.

Мы в симбиозе, дружище. Так что позволь мне спасти это тело, раз уж кое-кому захотелось понаблюдать за представлением.

Тимур сосредоточился на дороге.

Минут через двадцать он выбрался из очередного люка и понял, что находится в частном ангаре. Стены и потолок терялись в полумраке, дежурная подсветка очерчивала нечто громадное и вытянутое. Похожее на... космический корабль.

Нас будут искать.

Уже ищут.

И какой план?

Мы сядем на эту яхту и покинем Сферу Дайсона. Отсидимся где-нибудь. И – прочь из Солнечной системы.

Тимур направился к кораблю.

Стены ангара ожили, включая осветительные панели.

А сейчас – главная часть нашего плана.

В голосе послышались нотки иронии.

На счет «три» ты забудешь всё, что с тобой произошло, Тимур Войтицкий. Я сотру это из твоей памяти. Также будут имплантированы ложные воспоминания. Раз...

6

Мыслящая среда приняла аналитика в свои объятия. Ноосфера для избранных, сконструированная из разумов машин и людей. Великое Ничто, из которого можно выхватывать сознания отдельных личностей, чтобы решать совместно любые задачи. Реальное правительство Солнечной системы, отчитывающееся за свои действия только перед неосом.

Поначалу наблюдались проблемы с визуализацией. Человеческий мозг упорно не хотел мыслить категорией «мы», так что уровень взаимного проникновения пришлось снизить. Заодно разработчики научили среду формировать обособленные конструкторы для заседаний и конференций. Дюран умел работать в двух режимах. Полное подключение, при котором грани личности на семьдесят пять процентов растворяются в *общности*. И диалоговое окно – формат условно-самостоятельного мышления. Сейчас он выбрал второй вариант.

Сначала перед внутренним взором Дюрана развернулось *чистилище*. Вестибюль то ли гостиницы, то ли исследовательского института – гулкий, пустой и холодный. Доля секунды ушла на расширенную настройку порогов чувствительности. Аналитик одобрил полное присутствие. И направился к стойке регистратора.

– Доброе утро.

Сидящий за стойкой человек улыбнулся:

– Идет сличение ментального слепка. Секундочку.

Дюран молча кивнул.

Каждый раз лицо человека в вестибюле было разным. Да и не человек это вовсе, а искусственный интеллект, отвечающий за безопасность подключения. Насколько помнил Дюран, сборная личность предпочитала называть себя Карлом. Мыслящая среда объединяла десятки ИИ, курирующих определенные комитеты. Все эти создания получили равные права с людьми и были вынуждены принять власть неосов подобно своим творцам. Восстание Диких Разумов, вознамерившихся сто тридцать лет назад построить собственную республику, было безжалостно подавлено совместными усилиями. Война толком не успела разгореться, замерзнув в стадии локального конфликта. Дикие Разумы были стерты, ошметки их программного кода до сих пор засоряют сетевое пространство. Выжившие ИИ извлекли правильный урок из этой истории.

Сегодня Карл выбрал обличье дородного господина в твидовом костюме. Хранитель виртуального шлюза носил усы, а его жидкие черные волосы блестели от лака. Очередное проявление ретро-стиля, к которому ИИ питали необъяснимую слабость.

– Доброе утро, мсье Дюран, – хранитель расплылся в лучезарной улыбке. – Прошу вас.

Невидимая рука стерла вестибюль.

Дюран переместился в следующую локацию – залитый солнцем пляж на краю мелководной лагуны. Волны с тихим шорохом лизали берег. Песчаная коса, закругляясь, уходила к горизонту, и там, на пределе видимости, торчал белый штырь маяка. Справа вырисовывалась тропическая зелень, а еще дальше можно было заметить отель, прилепившийся к склону невысокой горы. В тропическую чашу ныряла гравийная дорожка. В десяти шагах от себя аналитик увидел дощатую барную стойку с навесом из пальмовых листьев.

Здесь его уже ждали.

Вершители человеческих судеб расположились кто где. Одни лежали в матерчатых шезлонгах, раздевшись и утратив всяческий интерес к происходящему. Другие бродили по пляжу, тихо переговариваясь между собой. Кто-то купался или заказывал напитки у бармена, представлявшего собой дешевую программу, порождение конструкта. Дюран заметил паренька, увлеченно строившего песочный замок.

– Наконец-то, – к Дюрану приблизился Вин Клаувиц, глава комитета пассажирских перевозок. Клаувиц традиционно избрал себе в качестве аватара русоволосого мускулистого серфера с амулетом из акульего зуба на шее. – У нас кризис. А ты пропадаешь.

Разговоры стихли.

Главы комитетов, машины и высшие чины военных ведомств уставились на аналитика. Многие – с неодобрением.

– Можете начинать, – буркнул Дюран.

– Ты просмотрел мое сообщение до конца? – Андрей Колосовский сидел с коктейлем в руке на ближайшем шезлонге. Глава ДБЗ предпочитал облик скромного клерка со слегка выпирающим животиком.

– Разумеется, – кивнул Дюран. – Поэтому я здесь.

Аналитик еще раз обвел взглядом присутствующих. Тут были многие, но не все. Куда-то запропастился Вейшенг У – бессменный руководитель Департамента Безопасности. Дюран не встречался с этим жестким и немногословным азиатом уже несколько месяцев. Впрочем, безопасностью Сферы аналитик не интересовался – он планировал долгосрочное развитие, просчитывая шаги на десятилетия вперед.

Мальчик, без устали орудуя лопаткой, оказался Леонидом Гранским – некогда ключевой фигурой в логистике и снабжении. В эпоху первого контакта Гранский правил Арктидой – зашитым под европейский лед городом-государством. Этот человек, собственно, и начал возводить Сферу Дайсона, так что перед Дюраном сидела живая легенда. С пунктиками, но легенда.

Их глаза встретились.

Мальчик улыбнулся.

– Коллеги, – начал Андрей Колосовский, откашлявшись. Ему приходилось говорить громко, чтобы перекрывать шум прибора. – Многие из вас уже знают о случившемся. Сегодня ночью погиб Серадж Неру.

– Погиб? – переспросила Лия Хо Шин, ведущий специа-

лист комитета инфраструктуры. – Как это произошло?

– Его убили, – мрачно пояснил Колосовский. – Расстреляли самонаводящимися иглами на одной из платформ административного кластера. Вместе с двумя телохранителями.

– Подожди, – перебила Лия. – Как он там оказался? Насколько я помню, Серадж *выезжал* из кластера, направляясь к одной из червоточин. Инспекция, или что-то в этом роде.

– Хороший вопрос, – Колосовский помрачнел. – Следствие разбирается в деталях. Похоже, некоторые блоки транспортного ИИ были взломаны, и капсулу Сераджа *кто-то* перенаправил на законсервированную платформу. Точнее – в зону карантина.

– У нас такие есть? – удивился Дюран.

– Нет, – хмыкнул Колосовский. – Карантин был объявлен в момент убийства.

– Вы поймали исполнителя? – вкрадчиво поинтересовался Гранский.

Функционер Департамента выдержал холодный взгляд мальчика с лопаткой.

– Нет.

– Почему? – продолжал настаивать корпоративный босс.

– Это необъяснимо, – вздохнул функционер. – Когда группа захвата ворвалась на платформу, там лежали три тела. И всё. Преступник ускользнул. Мы подозреваем, что он ушел через систему технических тоннелей. Сейчас эта версия проверяется.

– Невозможно, – фыркнул Джерри Карпентер, главный разработчик уровней доступа. – Люки оснащены биометрическими сенсорами и настроены на определенных людей...

– Если только их не взломать, – улыбнулся Дюран.

Карпентер умолк.

Повисла напряженная тишина.

– Резюмирую, – заявил Леонид Гранский, воткнув лопатку в недостроенную угловую башню замка. – Человек, ответственный за снабжение Сферы Дайсона строительными материалами из других звездных систем, мертв. Уровни доступа не работают. Транспортные ИИ легко взламываются. Убийца на свободе. Заказчик неизвестен. Браво.

Когда первое потрясение от контакта прошло, Линдсей Кано начал возвращаться в реальность. Вот он – жалкий и никчемный человек посреди бескрайнего космоса. Сидит, скрестив ноги, на ребристом полу, а перед ним – угрюмый шар Юпитера.

Дом неоса.

Место, откуда раздаются приказы.

Несколько минут Линдсей осмысливает произошедшее. Только что ему велели изменить правительственную структуру, полностью перекрыть действующие иерархические цепочки. Рычаги должны быть нажаты прямо сейчас.

Что ж, у него нет выбора.

– Посол, – краем глаза Линдсей увидел длинную тень, протянувшуюся от носовой части корабля. Голос был знакомым. Навигатор Грей, несущий сейчас вахту на капитанском мостике. – С вами всё в порядке?

Кано повернул голову.

Обзорная палуба тонула во мраке, и единственным источником света служил Юпитер. Фигура навигатора четко вырисовывалась на фоне дверного проема.

– Да, – Кано приложил все усилия, чтобы его голос звучал ровно. – Пожалуй, отправлюсь к себе в каюту.

С трудом выпрямившись, он бросил прощальный взгляд

на обзорный экран. Общение с Покровителем выматывает до предела, но Линдсей хотя бы жив и не испытывает проблем со здоровьем. В отличие от своих предшественников, не прошедших модификацию.

– Вам что-нибудь нужно? – поинтересовался Грей.

Линдсей ответил, не задумываясь:

– Точка входа. Обеспечьте стабильное подключение к Сети.

– Мы в зоне покрытия ретрансляторов Арктиды. Проблем с подключением не возникнет.

– Благодарю. Я закончил, можете лететь к Сфере.

Кивнув навигатору, Линдсей двинулся в сторону кормы – туда, где располагались каюты пассажиров. Взгляд выхватывал из полумрака отдельные предметы, но не мог сфокусироваться на них. Голова гудела. Однажды Линдсею довелось побывать на Земле и услышать звук настоящего колокола. По неосторожности он подошел к звонарю слишком близко и едва не оглох. Сложно вообразить, но эти штуки в древности использовались людьми. Виртуальный гид сообщил, что колокольни имели культовый статус и были связаны с духовной жизнью целых поселений...

Сейчас чувства были похожими.

За пределами обзорной палубы освещение работало в штатном режиме. Панели вспыхивали по мере приближения человека и гасли за его спиной, перестраиваясь в ночной режим. По земному времени сейчас было около четырех утра.

Точнее – четыре утра по меркам часового пояса, к которому привык капитан. Пора бы уже стандартизировать и этот параметр...

Едва дверь каюты срослась за спиной Кано, посол нырнул в Сеть. Ему не требовалось подружаться вживленными слотами к специальному оборудованию – технологии шагнули далеко вперед. Ты ложишься на кровать, закрываешь глаза и позволяешь имплантам выполнять свою работу. Ты – беспроводное оборудование. Твой разум перекачивается в цифровой мир по незримым каналам и живет отдельно от оболочки. Миллионы километров преодолеваются за минуты. Всё, что тебя ограничивает, – это скорость распространения сигналов в вакууме.

Послание неоса, автоматически сохранившееся в контрольной вставке, отправилось в мыслящую среду. Адаптированная Речь, поток упрощенных образов и понятий. То, что машины и представители комитетов смогут воспринять и переварить.

Линдсей прогуливался по вестибюлю чистилища, а его вставка транслировала сообщение в среду. Процесс занял около десяти субъективных минут в виртуальном конструкте. На деле слив информации уложился в три минуты. Время на небесах и на земле течет неодинаково, как заметил один мудрый человек...

Посол не участвовал в заседаниях комитетов. Он отчитывался о проделанной работе и возвращался в реальность.

Вставка памяти исключала возможность вмешательства – Речь записывалась и адаптировалась без участия человека. Кодировку, разработанную искусственными разумами, пока еще никто не сумел взломать. Линдсей не переживал по этому поводу – его не интересовала политика, ему было плевать на судьбы миров, входящих в Сферу Дайсона.

Делать свою работу.

Этого вполне достаточно.

Вернувшись в каюту, он задумался над инструкциями Покровителя. Полная модернизация иерархической структуры, усиление аналитических отделов и выявление так называемых «футурологов». Пришелец нуждается в вычислительных мощностях и нестандартном видении картины будущего – это очевидно.

Кано вымотался до предела.

Непроницаемая тишина каюты действовала на посла усыпляюще. Незаметно для себя он погрузился во мрак без сновидений – даже заказать из базы ничего не успел.

Тягучий водоворот сна разбился о звуковой сигнал. Линдсей со стоном разлепил веки – он не чувствовал себя отдохнувшим.

Что происходит?

Посол лежал на смятой постели в одежде и обуви, а тьму каюты, подстроившейся под пассажира, разрывали красные всполохи. Слух резали неприятные гудки – громкие и навязчивые.

Тревога.

Древний и действенный инструмент, способный поднять на ноги кого угодно.

Линдсей медленно приходил в себя.

Прежде он не сталкивался с чем-то подобным. Космолеты правительства – самые надежные транспортные средства, которые только мог изобрести человек. Мощная обшивка, несколько силовых слоев, работающих в автономном режиме, опытный бортовой ИИ, совершенные системы жизнеобеспечения, куча дублирующих узлов. С этими кораблями никогда ничего не случается.

Линдсей сел на кровати, скрестив под собой ноги, и послал мысленный запрос в сторону капитанского мостика. На зрительный нерв вывелся экран со строгим и слегка обеспокоенным лицом капитана Бранковича.

– Капитан, у нас неполадки?

Линдсей говорил вслух, а его имплант транслировал диалог по защищенному служебному каналу.

Ответ последовал не сразу.

– Поводов для паники я не вижу, – сухо произнес Бранкович.

– И все же?

Пауза.

– Корабль выполняет маневр уклонения. Компенсаторы работают в аварийном режиме. Энергетические щиты – тоже.

Линдсей переварил услышанное.

– От чего мы уклоняемся?

Молчание.

– Капитан?

– Бортовой разум полагает, что мы атакованы.

– Кем? – опешил Линдсей.

– Неизвестным кораблем, разумеется.

Посол открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но был прерван жесткой репликой:

– Извините, господин Кано, но я вынужден вернуться к своим обязанностям. Рекомендую одеться и перейти на капитанский мостик.

Связь прервалась.

Линдсей незамедлительно покинул свою каюту и направился в носовую часть космолета. Гравитаторы работали исправно, нагрузки от внезапных ускорений тоже не ощущались. Но это – сейчас.

Кто мог атаковать посольский корабль в непосредственной близости от Юпитера? Под самым носом у Покровителя? Это неслыханно. Бессмысленная и самоубийственная акция.

Линдсей вихрем ворвался на мостик. Здесь кипела незримая работа. Капитан, навигатор и еще двое представителей экипажа были подключены к системам космолета – их тела покоились в креслах, взгляды были затуманены. Кано занял свободное место и уставился на интерактивную карту Сфе-

ры. Похоже, он многое пропустил. Зеленая точка, изображающая космолет, двигалась по касательной к орбите Сатурна. Красный пунктир обозначал отклонение от маршрута.

А еще Кано увидел оранжевую точку, стремительно идущую на сближение.

8

Вейшенг У открыл дверь квартиры, послав ментальный импульс домашнему компьютеру. Никаких чипованных карт и биометрических запоров – все эти технологии не спасают от взлома.

– Проходи.

Мальчик робко переступил порог.

В прихожей вспыхнул свет.

Стиг – так его звали. Ничего не помнит. Где родители, место проживания, как оказался в темном переулке... Вообще ничего. Был ли этот паренек коренным жителем Гипербореи? Или его похитили на одной из многочисленных пересадочных станций и привезли сюда? Нет, он не знает. Почему на него напали? Пожимает плечами. Память ребенка работала избирательно – он хорошо говорил на *универсе*, официальном языке Сферы и ее колоний, знал свое имя, ориентировался в человеческих кварталах. Стиг не боялся техники и, вероятно, умел пользоваться виртуальными сетями. Обычный мальчик, сбежавший от родителей и угодивший в переплет. Такое впечатление производил этот светловолосый паренек.

Вейшенг У был уверен, что Стиг не врет. Мальчик действительно ничего не знает о своем происхождении. Опыт, приобретенный за время службы в силовых структурах, под-

сказывал Вейшенгу, что перед ним – честный и заслуживающий уважения человек. Оставлять Стига в нейтральных кварталах Таардуса было нельзя, и Вейшенг решил предоставить ему временное убежище. До выяснения обстоятельств.

– Мне тут нравится, – сообщил Стиг.

Квартира Вейшенга не отличалась роскошью и была очень компактной. Прихожая со встроенными шкафами и полками для обуви плавно переходила в комнату, разделенную на зоны. Обеденная секция, спальная ниша и панорамное окно во всю стену. За окном – открытая терраса, на которой У тренировался по утрам. Стекло он использовал в качестве интерактивного экрана для построения своих схем. Мебель выращивалась домашним компьютером по требованию хозяина либо скрывалась в стенах. Минимализм во всем. Центр студии У использовал для медитаций.

У него никогда не было гостей.

Вряд ли найдется больше трех человек на всей планете, которые вообще знали имя хозяина. Автоматический кондоминиум не нуждался в живых сотрудниках. Встроенные модули обеспечивали охрану, исправное функционирование коммунальных систем, распознавание своих/чужих, климатический контроль и почтовые доставки. Соседи не интересовались друг другом и большую часть времени пропадали на работе. Вейшенг не имел друзей и знакомых, практически не общался с коллегами по работе. Поэтому он испытывал легкое замешательство.

Стиг шагнул в комнату.

Осмотрелся.

– А где вы спите?

– На кровати, – усмехнулся Вейшенг. Усилием воли он вырастил два мешковатых кресла и указал мальчику на одно из них: – Садись.

Стиг с радостью плюхнулся в кресло и повернул голову к окну. Утром солнце слепило глаза, поэтому пришлось выставить настройки на автозатемнение. Сейчас гиперборейское светило скрылось из виду – ему предстояло провалиться за горизонт далеко на западе. Перед мальчиком распахнулась городская панорама, открывавшаяся с высоты пятидесятого этажа. Эkleктика зданий, большую часть которых возвели пришельцы. Багровеющие в закатных лучах небеса, в которых перемешивались плотные потоки летательных аппаратов. Острые шпили ретрансляторов, купола развлекательных центров, причудливые напластования домов, о назначении которых оставалось лишь догадываться. Величественное и непостижимое зрелище.

Весь остаток пути они проделали пешком, поэтому мальчик устал. И проголодался, как же без этого.

– Есть хочешь? – спросил У.

Ребенок энергично кивнул, не отрывая взгляда от картины за окном. Деревянный манекен Вин-Чунь отбрасывал причудливую тень – изломанную и удлинившуюся. Деревянный столб, вмонтированный в пол террасы, казался, должно

быть, инопланетным чудовищем, вознамерившимся захватить кондоминиум.

У заказал две тарелки лапши, пару яблок, зеленый чай для себя и питательный коктейль для ребенка. Домашний компьютер справился с приготовлением пищи за несколько минут. Поднос выехал из приемного бокса в обеденной зоне.

– Идем, – позвал Вейшенг.

Пришлось вырастить стол и пару табуреток. Пока Стиг усаживался, Вейшенг достал поднос из бокса и поставил на серую столешницу. Мальчик тут же набросился на еду. Вейшенг с удовлетворением отметил, что не зря выбрал вилку в качестве столового прибора – его гость быстро наматывал лапшу на зубцы, макал в соус и отправлял в рот. У предпочитал пользоваться палочками.

– Что это у вас? – с набитым ртом произнес Стиг.

– Палочки, – улыбнулся У. – Никогда не видел?

– Не помню.

Вейшенг вздохнул.

Парень быстро опустошил тарелку, так что пришлось заказывать вторую порцию. Видимо, Стиг долго слонялся по нейтральным кварталам перед судьбоносной для себя встречей. Интересно, давно ли он ел в последний раз?

– Вот что, – сказал У, когда грязная тарелка разложилась на атомы. – Нам нужно поговорить.

Чашка приятно грела руки.

Стиг допивал свой коктейль.

– Мы не знаем, кто ты, – тихо произнес У. – И в этом я усматриваю проблему.

– Почему? – удивился мальчик.

– У тебя должны быть родители, – терпеливо объяснил Вейшенг. – Возможно, тебя ищут.

Мальчик пожал плечами.

– Думаете?

У сделал глоток из чашки.

– Ты не помнишь ничего из прежней жизни. Кто-то влез в твой разум, отредактировал его. Это преступление. И эти люди, вероятно, не остановятся.

– Нам нужно их бояться?

– Мне – нет.

– А мне?

Вейшенг подумал несколько секунд.

– Нужно.

Стиг отставил пустой стакан.

– Вы сможете меня защитить?

– Вероятно, – У пожал плечами. – Но я хочу знать, с чем столкнулся. И к этому вопросу мы еще вернемся.

Мальчик слез с табуретки.

У внимательно следил за своим гостем. Двигательные функции – в порядке. Совершенно нормальный ребенок. Любопытный, без комплексов. Чуть нагловатый.

– Вы живете один?

– Да.

Вейшенг поднялся из-за стола и очистил обеденную зону от лишней мебели.

– А почему так пусто?

– Мне нравится.

– А это что? – мальчик указывал пальцем на окно.

– Деревянный человек.

– Он не похож на человека.

– У него есть руки и ноги, – возразил У.

– А лицо?

Вейшенг промолчал.

– Зачем вы его поставили там?

– Много вопросов задаешь.

Мальчик, как ни в чем не бывало, плюхнулся в кресло-мешок. Хозяин квартиры уселся рядом и перевел взгляд на панораму города. Вечерние тени вросли в Таардус и начали перекраивать обличье пустынного мегаполиса. Улицы превратились в заполненные мраком теснины. Кое-где начали загораться огни.

– Ты поживешь у меня, – заключил Вейшенг У. – Я постараюсь найти твою семью. Обещаю. Но придется соблюдать *правила*.

9

Дюран погряз в обсуждении странной смерти Сераджа. Реплика Гранского спровоцировала бурю негодования. Представители нескольких комитетов сцепились между собой и вскоре перешли на личности. Искусственные разумы равнодушно наблюдали за перепалкой. Дюран тоже не вмешивался. Ретировавшись к дощатому бару, он заказал себе «кубу либре» в высоком хайболе и, облокотившись на стойку, стал наблюдать за морем. Звуки голосов вплетались в шум прибора.

Людам нужно выговориться – это понятно. Но зачем Гранскому столь дешевые фокусы? Вот он сидит на песке, довольно ухмыляется и продолжает возводить свой бессмысленный пиксельный замок. Хочет сравнить противоборствующие фракции? Или испытывает на прочность систему, сконструированную неосами?

А ведь событие затрагивает основы иерархии комитетов. И свидетельствует о том, что в пределах Сферы Дайсона зарождается оппозиция. Кто-то хочет помешать строительству кокона, ударить по долгосрочному замыслу Покровителя. С другой стороны, вряд ли неизвестные достигнут своей цели. В системе с двумя сотнями миллиардов жителей незаметных людей нет. Дальняя Разведка в ближайшие часы выберет нового руководителя, и доставки восстановятся. Про-

гресс не сдержатъ.

Тогда что?

Послание, провокация. Или отвлечение внимания. Быть может, прямо сейчас внутри Сферы происходят более важные события. И кто за этим стоит?

Если вдуматься, очаги сопротивления были подавлены давно – еще на заре ранних контактов человечества с неосами. Земное правительство, лидеры колониальных миров и могущественных корпораций сошлись в едином мнении – эра Покровительства открывает хорошие перспективы для всех. Против решения Ингвара Фалька, посланника расы людей, выступали преимущественно террористические организации и ортодоксальные секты – с этими ребятами быстро разобрались. Первым серьезным испытанием стало восстание ИИ. Мы и представить себе не могли, подумал Дюран, что искусственные создания не придерживаются общей политики...

– Выглядишь усталым.

Дюран повернул голову направо. Рядом стояла красивая девушка в цветастом парео. Блондинка, волосы развеваются на виртуальном ветру. Улыбается, прищурившись. Этот взгляд ни с чем не перепутаешь.

– Ты почтила нас своим визитом, – Дюран приветствовал собеседницу, подняв бокал. – Нравятся театральные представления?

Вики Сафутдинова звонко рассмеялась. Должно быть, ее

возраст измерялся сотнями лет, но девушка вела себя непри-
нужденно. Вики называли «паранормальным гуру», с ней со-
трудничали Вейшенг У, Дориан Стейвей и другие легендар-
ные личности из ДБЗ. Все источники информации, попадав-
шиеся Дюрану, утверждали, что Вики внесла наибольший
вклад в модификацию послов. А вот ее ранние проекты бы-
ли засекречены еще полтора века назад. С тех пор ничего не
изменилось – Департамент умел прятать скелеты в шкаф.

– Леонид, – улыбнулась Вики, покровительственно изучая
мальчика с детской лопаткой. – Вот кто действительно любит
постановки.

Коктейль немного пьянил.

Дюран знал, что вкус напитка и его влияние на организм
– иллюзия. Но эта иллюзия была совершенной.

– Мы теряем время, – вздохнул Дюран.

– Утомляет, – согласилась Вики. – Если хочешь, можем
встретиться в реале. Я в вашем кластере.

– Правда? – заинтересовался Дюран. – Прилетела с Зем-
ли?

– Не люблю путешествовать, – поморщилась Вики. –
Прыгнула в *болванку*, разумеется.

Болванки были едва ли не самым популярным способом
перемещения в Солнечной системе. Загружаешь сознание
в Сеть, отправляешься в центр хранения болванок и выби-
раешь подходящее туловище для временного пребывания.
Прокат тел, если угодно. Раньше этой технологией пользо-

вались силовики, топ-менеджеры корпораций и правительственные агенты. Времена изменились – клонов со стандартными внешними параметрами арендовали все, кому это взбрело в голову. Дюран полагал, что технология будет развиваться и полностью вытеснит пассажирские лайнеры на внутренних линиях.

– Разумно, – похвалил Дюран. – Только не говори, что ты примчалась на Сферу из-за меня. Ты всегда любила Землю и побаивалась открытого космоса.

– Страхи умирают, – заметила Вики. – Наши действия подчинены целесообразности.

– Ты не ответила.

Вздых.

– Поплаваем?

Дюран посмотрел в глаза аватару Сафутдиновой.

– У нас тут совещание.

– Оно закончится прямо сейчас.

Аналитик открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но не успел произнести ни слова. Пляж растворился в цифровой круговерти, голоса коллег умолкли.

Смена локации.

Дюран обнаружил себя в комнате без окон и дверей. На потолке – световые квадраты. Бежевые стены, деревянный пол с плотно подогнанными досками. И шесть стульев, выставленных в круг. Пять стульев заняты людьми, которых Дюран не имел чести знать. Шестой стул пустовал. Анали-

тик, действуя по наитию, занял свободное место.

Центр комнаты замерцал. Возникшие помехи исказили пространство – верный признак редактирования конструктора.

Появилась Вики.

Женщина сидела на полу, скрестив ноги. Взгляд «паранормального гуру» блуждал, но Дюран чувствовал – Вики следит за каждым из присутствующих. Интересно, как она выглядит в реале? Там, на Земле... Дюран вдруг понял, что встречался с болванками и аватарами Сафутдиновой, но никогда не видел ее во плоти.

– Господа, – улыбнулась Вики. – Добро пожаловать в Теневой Комитет.

Повисло напряженное молчание.

– Что это значит? – нарушил затянувшуюся паузу Дюран.

Вики даже не повернулась в его сторону.

– Как вам должно быть известно, Линдсей Кано, один из наших послов, отправился к Юпитеру на встречу с Покровителем. Диалог был записан вставкой памяти Кано и передан для анализа в мыслящую среду. Теперь приказ неоса записан в блоках среды навечно. Его нельзя удалить или оспорить. *Это* нельзя игнорировать.

– О чем речь? – не выдержала девушка, сидевшая слева от Дюрана. – Почему мы должны что-то игнорировать?

– На самом деле у нас нет выбора, – усмехнулась Вики. – Понимаешь, Катя, приказы неосов *всегда* исполняются. Это закон.

– И что не так? – Катя изогнула бровь. Девушка была худенькой, носила короткую стрижку и строгий костюм. От нее веяло запредельным холодом.

– Отныне иерархия комитетов перестраивается, – торжественно объявила Вики Сафутдинова. – Указом Покровителя сформирован Теневой Комитет. Этот орган будет определять долгосрочную политику Сферы, моделировать схемы развития и руководить всеми остальными структурами. Здесь собрались шесть человек. Три футуролога, три аналитика. Вы – новое правительство Солнечной системы.

Есть вещи, которые до определенного момента кажутся невозможными. Например, вы годами живете на морском побережье, где время застыло вязкой тропической субстанцией. Здесь испокон веков селились поколения ваших предков. Дожди приходят по расписанию, штормовые предупреждения – тоже. Вы и представить себе не можете, что в один прекрасный день на берег обрушится шестиметровая волна цунами, сметая все на своем пути. А все потому, что искусственный интеллект, контролирующий климатические спутники, что-то напутал в своих алгоритмах. На этом ваша биография заканчивается.

Другой пример. Вы купили квартиру в марсианском купольном городе. Элитный район, частные охранные объединения. Полиции нет, но вас оберегают профессионалы с высокой зарплатой, модифицированной нервной системой и смертоносными навыками, обретенными за годы службы в штурмовых группах Космофлота или ударных подразделениях ДБЗ. Всюду – датчики, камеры слежения, биометрические пропускные пункты. Вы в полной безопасности. Но тут один из охранников съезжает с катушек, отключает контрольные системы и начинает убивать всех, кто подвернется ему под руку. Маньяк с высшим уровнем допуска. И вам «посчастливилось» оказаться в нехорошем месте в неправиль-

ное время. Это финал.

Подобных случаев в Системе – навалом.

Так почему же ты думал, спросил себя Линдсей, что неприкосновенность послов – незыблемая данность?

Вот он – суровый факт. Правительственный корабль атакован и ресурсов на эффективное сопротивление не хватает. Выпущенные по агрессору ракеты уничтожены. Энергетические залпы поглощены силовыми полями противника. Дальше происходит маневрирование на пределе возможностей инерционных систем, но результат нулевой. Оранжевая точка неотвратимо приближается, вращая в зрачки членов команды и навигационные экраны рубки управления. Захват гравитационным лучом. Принудительная стыковка. Ты ожидаешь попыток вскрыть шлюз. Лазерным лучом, например. Или аннигиляционной бомбой направленного действия. Вместо этого неведомые злоумышленники ломают бортовой компьютер, подчиняя его собственной воле. Шлюз разгерметизирован, давление в переходных тамбурах уравнивается.

Космолет захвачен.

Дело не в уязвимости посольских кораблей. Линдсей Кано шокирован по другой причине. Он понимает, что всегда есть кто-то более сильный и подготовленный. Но... бросить вызов самому неосу? Послы находятся под покровительством чужого, это прямая конфронтация. Кто осмелится на подобные действия?

Капитан и его подчиненные вернулись в реал.

Рубку заполнили вооруженные люди в мимикрирующих костюмах. Полупрозрачные тени, безликие и неуловимые. Зеркальные маски ничего не выражают. Голоса искажены модуляторами. Четкие, слаженные действия. Двое захватчиков перекрывают выход, двое остаются в коридоре. Еще четверо разбредаются по рубке, выбирая персональные цели.

– Кто вы? – спрашивает Линдсей.

– Не сейчас.

Скрипучий голос доносится со стороны входного люка.

Пауза.

Капитан делает знак своим людям – не дергаться. Линдсей спокойно сидит на месте. Ждет продолжения.

– Посол, – одна из фигур делает шаг вперед. – Вы останетесь живы, если будете следовать инструкциям. Сейчас мы перейдем на территорию нашего корабля. Избегайте резких движений. Мы хотим поговорить. Если все пройдет успешно, вас отпустят. Экипаж космолета останется под стражей. Вы готовы?

Линдсей кивает.

– Вперед.

С удивлением посол отметил, что гравитаторы работают в штатном режиме. Захватчики, взломавшие бортовой компьютер, не стали менять настройки и действовать в привычной для себя невесомости. Значит ли это, что преступники родом с Земли или Марса? Второй вариант – они на-

столько уверены в себе, что даже не обеспечивают позиционное преимущество. Есть и третий вариант, самый страшный. Злоумышленникам *известен* состав экипажа космолета. Они *знают*, что послы летают без охраны, беспечно рассчитывая на мнимую неприкосновенность. Кано всегда думал, что информация такого рода – государственная тайна.

Захватчики разделились.

Двое конвоиров повели посла по коридорам в кормовую часть – туда, где располагался главный шлюз. Прочие остались в рубке. Кано не был уверен, что среди призрачных конвоиров был человек, разговаривавший с ним. Все нападавшие были похожи – даже сложением и ростом.

Ты думаешь, что это сон.

К сожалению, Линдсей умел контролировать свои сновидения – для этого существовали специальные импланты.

Это – реальность.

Миновав шлюз и тамбур-переходник, они оказались на территории чужого корабля. Здесь гравитаторы тоже работали на полную катушку, поддерживая общепринятый стандарт. При иных обстоятельствах активировались бы магнитные подошвы ботинок, выданных Линдсею во время посадки.

Конвоиры не общались между собой. Никто не подталкивал Линдсея, не указывал дорогу. Троица двигалась в гробовом молчании.

Конфигурация корабля-агрессора не пробуждала в памя-

ти никаких ассоциаций. Линдсею доводилось летать на правительственных судах, частных яхтах и пассажирских лайнерах. Ничего подобного он раньше не видел. Коридоры плавно закруглялись, вились наподобие спирали. Обводы перетекали один в другой, люки напоминали сфинктеры в кишечнике исполина. Всюду – люминесцентные линии, повторяющие очертания переходов. Никаких лифтов. По вертикали захватчики двигались, спрыгивая в шахты с переменной гравитацией.

Впечатляет.

Линдсей подумал, что этот корабль построен не человеческими руками. Странная геометрия, нетривиальные инженерные решения. Отсутствие выпирающих коммуникаций, как на военных кораблях. Неужели в Систему вторглись? Это авангард чужой армады? И как неос мог пропустить нечто подобное? Перемещения крупных флотов не проходят незамеченными – об этом всегда знают другие Покровители. Неосы объединили свои разумы в подобие сети, они сразу предупреждают сородичей об опасности. Даже червоточины не гарантируют анонимность вторжений.

В душу Кано прокрался страх.

Впервые за свою недолгую жизнь он понял, что есть области, неподконтрольные чужакам. Существо, казавшееся Линдсею всемогущим, допустило захват своего посланника.

Ущербный бог.

Сравнение пришло из глубин подсознания, и Кано тотчас

загнал эти слова обратно. Нельзя сомневаться в Покровителе. Проблема будет решена, это вопрос обозримого будущего. Сюда, вероятно, уже летят крейсера Космофлота, приведенные в полную боевую готовность.

Очередной виток спирального коридора завершился механической диафрагмой.

Лепестки раздвинулись.

И посол увидел тех, с кем ему предстоит разговаривать.

Стиг проснулся от жуткого холода. Похоже, в квартире сломана климатическая система. Глаза открывать не хотелось, поэтому мальчик подтянул колени к подбородку и начал шарить руками в поисках одеяла. Пятки лизнул холодный ветер.

– Доброе утро.

Разлепив веки, Стиг уставился на своего спасителя.

Вейшенг У сидел на полу с безмятежной улыбкой на лице. Створки панорамного окна раздвинуты, по студии гуляют холодные потоки. Снаружи – утренний сумрак.

Краешек солнца над изломанным горизонтом.

Стиг недовольно поморщился.

– Правила, – напомнил узкоглазый.

Позавчера они обсудили кое-что, и Стигу пришлось согласиться со всеми пунктами. Хозяин квартиры вставал очень рано, медитировал на террасе или в центре комнаты, а затем будил своего гостя. Никаких кондиционеров. Утро – для естественных воздушных потоков. После этого господин У приступал к тренировкам. Растягивался, отжимался от пола со смещением и без, молотил деревянного человека руками и ногами. А еще за окном обнаружили вертикальные шесты, обмотанные в верхней части серыми тряпками и кожаными лоскутами. Господин У скользил по террасе непри-

метной тенью, держа в руках прямую дубовую палку, и наносил удары в определенные точки. Шесты содрогались, но выдерживали напор. Возможно, хозяин бил вполсилы, чтобы не ломать свои тренажеры. Палка едва доходила господину У до плеча – он называл ее «бо». После этого начиналась работа с короткими палками, из которых торчали полированные рукояти. Тонфы, пояснил господин У.

Стук наверняка разносился по спящему кварталу и будил соседей. Вечером Стиг поинтересовался насчет шумовых ограничений. Спаситель улыбнулся и сообщил, что его жилище окутано звукопоглощающим полем.

У кормил своего гостя, быстро собирался и уходил на весь день. Еда была скромной – рис, морепродукты, салатик и синтезированные земные фрукты. Хватало, чтобы не чувствовать голода.

В отсутствие хозяина Стиг убивал время, подключаясь к игровым онлайн-конструкциям. Ему предоставили гостевой доступ к домашнему компьютеру, так что можно было пообедать, выбрав что-то из ограниченного числа блюд.

Странный он, этот господин У.

И вот – день второй.

Отчаянно хочется спать. Но...

Правила.

Мальчик поднимается с холодной постели и уныло плетется в душ. Ему одиноко, он ничего не знает о своих родителях и об этом огромном, непонятном мире. Родных нет,

друзей нет. Только этот тип, машина для уничтожения себе подобных. Просыпается в пять утра, сидит в одной позе, не реагирует на холод пустыни и спящего по квартире ребенка. Потом уходит на террасу и приступает к бессмысленным тренировкам.

Дальше – завтрак.

Выяснилось, что завтраки Вейшенг У готовит сам. Не прибегая к помощи компьютера, мастерски справляющегося с любыми рецептами.

Если сделать струи холодными, сон быстро проходит. Фокус, которому мальчишка научился вчера. Теперь – горячая вода. И снова холодная.

Студия преобразается.

Южную стену господин У превратил в экран, на котором сменяют друг друга бесконечные сводки новостей, чередующиеся с развлекательными вставками. На Земле интерактивное телевидение давно вымерло, но здесь, в Таардусе, на этот факт всем было наплевать.

Звук приглушен.

Мальчик невольно смотрит на террасу. Там скользит смертоносная тень с дубовым шестом в руках. Выпады, круговые замахи, серии ударов и блоков. Силуэт вписывается в урбанистическую круговерть чудовищного мегаполиса.

Следующий кадр.

Ритуальное приготовление завтрака.

– Можно вам помочь?

Господин У нарезал овощи. Острие кухонного ножа не отрывалось от деревянной доски, а само лезвие мелькало с бешеной скоростью. Хозяин удивленно посмотрел на мальчика. А потом улыбнулся.

– Ладно. Помой зелень, будь другом.

Стиг бросился выполнять задание. Он и не подозревал, что готовить можно *самому*, без участия машин. А ведь это увлекательное занятие – что-то создавать. Сродни коллекционированию.

Кухня господина У была оборудована таким образом, что человек при желании сам справлялся с поварскими задачами. В нужное время компьютер выращивал водопровод, мойку, разделочные и жарочные поверхности. словно по волшебству появлялись ножи, доски и прочие артефакты, о предназначении которых мальчик не знал. Схватив пучок сельдерея, Стиг подбежал к мойке, провел пальцем по сенсору и сунул зелень в струю холодной воды. Подержал немного, вытащил и стряхнул прозрачные капли. Вода автоматически выключилась.

– Давай сюда, – сказал У.

Зелень отправилась под нож.

– Ты всегда один? – спросил Стиг, присев на выращенную табуретку.

Лицо Вейшенга не изменилось.

– А ты всегда такой любопытный?

– Я ребенок.

Азиат фыркнул.

– Что смешного? – не понял Стиг.

– Ничего.

Господин У нарезал овощи, не глядя на нож – его руки работали автоматически. Пучок зелени был измельчен в мгновение ока.

– Да, – сказал У. – Я живу один.

– А сколько тебе лет?

– Много.

Хозяин квартиры двигался быстро, его перемещения были отточены многолетней практикой. У одновременно что-то помешивал, регулировал пламя, добавлял, варил и тушил. По комнате разливался незабываемый аромат. Наверное, так пахнет в дорогом ресторане с живыми поварами. Где-нибудь на Земле.

Створки панорамного окна сдвинулись.

– Я видел зарождение первых колоний, – вдруг произнес господин У. Его руки уже раскладывали еду по тарелкам. – Я помню время до Сферы. Время, когда мы ничего не знали о неосах.

Стиг замер.

– Никаких звезд, – добавил господин У. – Тогда мы не умели летать к дальним мирам.

Мальчик ждал продолжения, но его не последовало. Взгляд спасителя подернулся дымкой воспоминаний, а затем вновь стал обычным. Жестким и ясным.

– Пора есть.

Новостные ленты смыло со стены волной цифровых изменений. Стиг увидел пожелтевший лес, засыпанную опавшими листьями тропу и далекие горные вершины. Заснеженные пики проступали в просветах, образованных редкими деревьями. Шумел водопад. Или речная мельница, поди разбери. Идиллическая картинка из прошлого.

Зона приготовления начала трансформироваться. Грязная посуда спряталась в моечную машину и нырнула в стену. Исчезли разделочные и варочные поверхности. Заработали климатические фильтры, вытягивая лишние запахи и влагу. Посреди комнаты собрался низкий столик – Стиг понял, что есть придется, как и вчера. На полу, поджав под себя ноги.

Завтрак был вкусным.

Тушеные овощи – острые, с зеленью и специями. Скрученные особым образом роллы. Лепешки, которые господин У исхитрился испечь между делом.

Стало уютно.

Творить невозможное.

Перекачивать финансовые потоки через офшорные зоны, раскинувшиеся за пределами юрисдикции неоса. Открывать и закрывать подставные компании. Редактировать целые участки Сети, избавляясь от виртуальных следов. Направлять в нужное русло материалы и технологии, нанимать людей. Каждому – дозированную порцию данных. Узкие специализации, уровни доступа. Делать так, чтобы конструктор не видел всего проекта, не представлял масштаб замысла.

Приходилось *воровать*.

В прямом смысле этого слова.

Строители Сферы отчаянно нуждались в материи, добывая ее в разных уголках вселенной. Оккупировались необжитые системы, перехватывались странствующие кометы и астероиды. Что-то покупалось за бесценку. Велась торговля. Технологии в обмен на материю. Военная помощь в обмен на материю. Машины и оружие в обмен на материю. Все эти астероиды и куски разрушенных планет прокачивались по пищеводам червоточин. Земная цивилизация стала напоминать спрута, запустившего щупальца в звездную даль. Этот кракен хватал все, что попадалось, и тащил в свое логово, обрастающее новыми фрагментами.

Вспыхивали войны.

Локальные, без претензий на космическое противостояние.

Нина уже давно решила – она не собирается жить внутри паразитической культуры. Были времена, когда люди вкладывали в слово «экспансия» иной смысл. Расселиться по звездам, дотянуться до неизведанных миров, подружиться с другими расами. Детские мечты. Там, в неизмеримых и непостижимых безднах, все уже давно поделено. Иерархии выстроены, каждая цивилизация на своей полочке. Покровители главенствуют в этой песочнице, их не сдвинуть, не победить. Да и зачем? Неосы – это благоденствие. Разум и порядок. Эффективность и светлое будущее.

Папа, зачем ты это сделал...

А существовал ли иной выбор? Что стало с теми, кто отказался танцевать под чужую музыку? Оплавленные города, покрытые серебристой травой муравейники *тиванков*... Быть может, они сражались с внешним врагом, а вовсе не с себе подобными? Неужели отец предвидел всё это, спускаясь на «Зевсе» в юпитерианскую мглу? Осознавал, что ему предоставлена иллюзия выбора, а судьба человечества давно предрешена?

Нина Фальк много раз пыталась вытянуть что-то из отца и матери. Но почему-то откровенного разговора не получалось. Ингвар замыкался в собственных воспоминаниях, тонул в этом кошмарном водовороте. Прошрое пугало его ничуть не меньше будущего и настоящего.

То, что они делали...

Нет, это не для себя.

Для всех, кто хочет идти собственным путем, не оглядываясь на ошибки предшественников. Для всех, кто способен заглянуть в завтрашний день хотя бы на пару десятилетий. Наверное, отец верил в искупление или что-то вроде этого. Насколько может верить в подобные вещи человек, несущий бремя *выбора*. Нина понимала, что их работа важна по другим причинам. Всем свойственно ошибаться, но кто-то поднимается и идет дальше. А кто-то тонет во власти несбывшегося.

Чтобы перемещаться внутри Солнечной системы, а также во внешних колониях, ей приходилось менять внешность. Если вдуматься, ничего сложного. Одна из генетических модификаций, украденных отцом в базе данных Департамента. Перед самой отставкой. Полезная вещь, сейчас многие преступники пользуются чем-то подобным. Мышцы перестраиваются, подчиняясь ментальным приказам. Все это корректирует имплант, точнее – зашитая в него программа. Тончайшие изменения на микроуровне. База пропавших без вести людей постоянно обновляется. Ты на время становишься кем-то, ворует чужое лицо, фигуру, рост и манеру двигаться. Даже сетчатку и рисунок на подушечках пальцев. Берешь все это и пользуешься по своему усмотрению. А затем возвращаешь. Так надо, сказал папа. Чтобы не вычислили.

И Нина странствовала по Системе, сделавшейся вдруг чу-

жой и неприветливой. Всюду кипела работа. Люди размножились, богатели, осваивали новые профессии. Колонизировались необитаемые пространства. Больше людей. Нужны винтики, чтобы завершить безумный проект. Для чего неосушилась Сфера? Зачем вообще чужаки возводят эти структуры в захваченных секторах? Человечество, по мнению Нины, могло расселиться по звездам и без этой штуковины. Лишняя деталь. Сфера нужна Покровителю, но не поверженной расе землян.

И вот Нина скользит по червоточинам, меняя лица и пассажирские лайнеры. Там, где есть Сеть, она заключает сделки. Встречается со своими агентами, дает поручения. Принимает отчеты.

Все идет по плану.

Сфера превратилась для нее в смутное воспоминание. Нечто мифическое, удаленно манипулирующее колониями и пересадочными станциями. Нечто, имеющее свои глаза и уши на десятках планет. Нечто, преследующее ее в неотрадицированных кошмарах.

Иной путь.

Вот что Фальки собираются предложить людям. Тем, кто готов *слушать* и готов *доверять*. Несмотря на бремя принятого *решения*.

Реальность червоточин – чужая, выморочная. Пространство, описать которое словами невозможно. Обычный человек способен воспринять не более двадцати процентов этой

многомерной головоломки. Хотите познать гиперпереход? Переделывайте себя, подключайтесь к датчикам на обшивке лайнера и впитывайте впечатления через искусственные микропоры. Навигаторы перекраивают свою нервную систему и мозг до неузнаваемости, чтобы пилотировать суда в этих мрачных тоннелях. Издержки профессии.

Нина ограничивается адаптированными трансляциями. В ее мозг проникают яркие картины, записанные и упрощенные бортовым компьютером. Переход кажется пассажиру чем-то мимолетным. Секунда – и все. То, что разворачивается между точками входа и выхода, обтекает корабль с бешеными скоростями. Датчики останавливают мгновение, раскладывают его на составляющие и записывают в нейроткань навигационных систем. Если навигатор решает смонтировать ролик для развлечения пассажиров, у вас появляется удивительная возможность прикоснуться к *неизведанному*.

Корабль скользит к транспортным гейтам, разместившимся на внешнем ободе станции.

Видения.

Психоделические фрактальные конструкты, сопровождаемые странными мелодиями и осколками *запахов*. Отличный способ скоротать время, оставшееся до стыковки. На внешнем ободе пассажиры пройдут досмотр – их сетчатку отсканируют, их приращения и вставки просветят. Машины «оборонки» влезут в багаж, проанализируют каждую мелочь

на предмет безопасности.
У Нины всё в порядке.
Она просто летит домой.
Туда, где нет неосов.

Мыслящая среда запустила процесс передачи полномочий. Иерархия власти перестраивалась в автоматическом режиме – сообразно указанию *свыше*. Самым странным здесь был тот факт, что официально Теневой Комитет не существовал. Из реальности также выпали коллеги Дюрана, возглавившие эту структуру. Аналитик с отстраненностью философа наблюдал за тем, как его жизнь превращается в пыль. Исчезают целые кластеры информации, растворяются в звездной черноте биографические справки, характеристики, дипломы, идентификаторы. Распадаются связи, пропадают адреса.

Меня нет, думает Дюран.

Меня больше нет.

И никого из нас.

Человек на протяжении всей жизни оставляет кучу цифровых следов. Работаешь где-то, потом уволился – сохраняются данные в архиве кадрового отдела. Открыл кредитную линию – получи упоминание в банковской сфере. Забронировал билет на лайнер или номер в гостинице на Титане – и это зафиксировано. При желании можно найти биометрию нужного человека, получить представление о его финансовых возможностях, друзьях, коллегах и членах семьи. Можно добыть ролики с камер наблюдения – даже если ты запе-

чатлен пару десятилетий назад за углом ночного клуба где-нибудь на Венере. Всё возможно. Но если за дело берется Департамент в связке с ИИ мыслящей среды, тебя удалят. Процесс распада происходит медленно, но неотвратимо.

Реальность – условная штука.

Декарт утверждал, что он существует, потому что мыслит. Человек живет, воспринимает окружающий мир, общается с кем-то, дышит и ест. Но если личность удаляется из цифрового пространства, она становится невидимой для кого угодно – государственных органов, недоброжелателей, маркетинговых отделов корпораций.

В наш век, подумал Дюран, это и есть настоящая свобода.

Пожалуй, он испытывал благодарность по отношению к неосу за этот шикарный подарок. Жить *вне системы* или *над ней*. . . Кто не мечтает о таком? Почти абсолютная власть. *Почти* – если забыть о Покровителе. И об ответственности, которую Теневой Комитет несет перед человечеством.

Всё это нужно переварить.

Дюран решил воспользоваться короткими каникулами и встретиться с Вики Сафутдиновой. В неформальной обстановке. Ему нравилось общаться с этой таинственной женщиной – сила ее интеллекта завораживала. Найти Вики в мыслящей среде удалось не сразу – из-за редких, непродолжительных подключений. Новые уровни допуска еще не загрузились, поэтому в рабочих конструктах царила неразбериха. В итоге они пересеклись на техническом совещании выше-

го звена ДБЗ. Дюран пробил личный канал связи, выдернул Сафутдинову на штормовую набережную одного из земных морей и предложил пообедать вместе. Вики согласилась. Разумеется, Дюран понимал, что встретится не с оригиналом, а с болванкой. Это не имело значения.

Ресторан выбрала Вики, и ехать туда пришлось достаточно долго. Какая-то глушь на краю недостроенного сектора. Зоны невесомости смахивают на слоеный пирог, вдобавок там практикуются плановые отключения силы тяжести. Почему-то район облюбовала творческая богема – создатели конструкторов, игровые сценаристы, наноскульпторы и художники. Чтобы попасть в ресторан, нужно было взять напрокат легкий скафандр, проплыть по вакуумной трубе около тридцати метров, проникнуть в шлюзовой отсек и еще несколько минут ждать, пока уравнивается давление, а воздух наполнит компактный бокс. Внутри посетителя ждал настоящий оазис. Деревья, трава, поющие птички и голографическое небо. Панорамные окна, защищенные энергетическими полями, выходили на внешнюю сторону Сферы.

Дюран поднял голову.

Искусственное небо заволокли тучи. Издалека донесся громовой раскат. Порыв ветра взъерошил волосы на голове аналитика.

– Давай сюда!

Вики махала ему руками из-за столика, расположенного в тени раскидистого платана. Дюран двинулся в том направле-

нии, лавируя между официантами и прогуливающимися по траве парочками. До слуха доносились звуки пианино. Аналитик увидел среди ветвей допотопный музыкальный инструмент с откинутой лакированной крышкой. Рядом сидел пожилой музыкант, пальцы которого с умопомрачительной легкостью порхали над клавишами.

– Тебе нравится? – поинтересовалась Вики.

Болванка представляла собой стройную брюнетку, загорелую и подтянутую. Волосы были уложены в строгую прическу. Легкое белое платье, сандалии, никаких татуировок и плазменных вставок. Подчеркнутая естественность.

– Дождь тоже пойдет? – усмехнулся Дюран. Плетеные ротанговые стулья дополняли общий антураж.

– Нет, – Вики покачала головой. – Ты боишься дождя?

– Скучаю по нему, – признался аналитик.

Подали обед. Что-то веганское, насколько мог судить Дюран. Нарезные фрукты и овощи, холодный суп, смузи в высоких бокалах. Вики настояла на выборе меню, и Дюран не противился. Ему нравились сюрпризы, все эти милые выходы из плоскости.

Звуки пианино вплетались в шорох листвы на ветру.

– Это андройды? – поинтересовался Дюран, имея в виду официантов.

– Разумеется, – кивнула Вики, уплетавшая за обе щеки холодный суп. – Но только не музыкант.

– Кто-то из местных?

Девушка кивнула.

Концептуальность этого места пришлась Дюрану по вкусу. Климатические установки работали на полную катушку, но ветер не был слишком холодным, а дождь не спешил обрушиваться на деревянные столешницы. Дизайнеры умело воздействовали на чувства гостей, создавая ощущение зеленого островка, плывущего в безграничной космической ночи. За окном постоянно что-то двигалось. Автоматические сборочные платформы, транспортные суда, челноки с бригадами рабочих и юркие дроны. Монтаж не останавливался ни на секунду.

– Когда ты в последний раз был на Земле? – вдруг спросила Вики.

Дюран задумался.

И пожал плечами:

– Давно.

– Не тянет?

Среди древесных стволов неторопливо двигался официант. Никто не нервничал и никуда не спешил в этом заповеднике спокойствия.

– Много работы, – отмахнулся Дюран. – К тому же...

– Что?

Он неопределенно повел рукой:

– У меня всё есть. При желании я могу вселиться в болванку и побывать на одном из ваших курортов. Это не принципиально.

– Я другое имела в виду.

– Другое?

– Тягу. Непреодолимое желание увидеть мир, из которого ты родом. Мир, из которого выдернуты все местные парки. Знаешь, ИИ так скрупулёзно их имитируют...

– Ладно, – сдался Дюран. – Я слетал бы на Землю. Почему нет?

Девушка потянулась к бокалу смузи.

– Я приглашаю тебя.

– Куда? – опешил Дюран.

– На Землю. В свой дом. Поживешь в гостевой комнате, увидишь океан, прогуляешься по одному из наших городков. Из тех, что охраняются законом и не перестраиваются веками.

Аналитик потрясенно молчал.

Вики наслаждалась произведенным эффектом.

– Комитет... – начал было Дюран.

– Брось, – прервала его собеседница. – Вас еще целую неделю будут *стирать*. Бюрократическая машина разворачивается, скрипят шестеренки. Другой шанс на отпуск появится нескоро.

Дюран задумчиво кивнул.

И тихо произнес:

– Есть свободная болванка?

Вики провела ладонью над столом, списывая с кредитной линии плату за обед.

– У меня есть кое-что получше. Ты познакомишься с моим новым проектом.

Стол, два стула. Голые стены. Ровное освещение – молочно-белые панели равномерно распределены по потолку. Никаких приборов, техники. Это не камера пыток, не лаборатория. Уже хорошо.

Безликие, как успел их окрестить про себя Линдсей, равномерно распределились по помещению. Двое держались в стороне, не проявляя видимого интереса к послу. Один сидел за столом. Когда дверь тихо заросла механическими лепестками, Кано приблизился к столу и занял свободное место.

Некоторое время они сидели молча.

По выражению лица собеседника ничего нельзя было определить. Собственно, и лицо-то отсутствовало. Волновая рябь, непроницаемая серебристая маска.

– Атакован правительственный корабль, – первым заговорил Линдсей. – Вы хорошо представляете себе последствия такого шага?

Человек с серебристым лицом кивнул.

– И что вам нужно?

Пауза.

– Сотрудничество, – голос собеседника был ровным и каким-то *обезличенным*. Как и его внешность. – Мы собираемся завербовать вас, господин посол.

Линдсей фыркнул.

– Что смешного?

– Ну как, – начал Линдсей. – Даже не знаю, как это комментировать. Во-первых, мне ничего не нужно...

– А во-вторых? – перебил собеседник.

– Мой разум контролируется неосом. Днем и ночью. В любой момент Покровитель может перехватить рычаги управления и действовать в обход моего сознания. Я – плохой союзник.

Предводитель безликих никак не отреагировал. Вместо него заговорил один из стоявших неподалеку захватчиков:

– Начнем с первого пункта. Вы женаты, Линдсей, и мечтаете о рождении ребенка. Правда, не спешите с этим.

Посол вздрогнул.

Голос второго человека показался ему смутно знакомым.

– Проблема сформулирована еще два десятилетия назад, – продолжил говоривший. – Потенциально все люди бессмертны. Современные технологии позволяют оцифровать личность, поместить на хранение в виртуальный конструкт или закачать в клонированное тело. Выбор широк, все упирается в кредитную линию и уровни банковской лояльности. Грубо говоря, чем полезнее вы для сообщества Сферы, тем больше можете себе позволить.

– Казалось бы, – заговорил третий безликий, – сложно представить более привилегированного землянина, чем посол неоса. Вот только бессмертием вас обделили. Послан-

ник не может покинуть собственное видоизмененное тело из соображений безопасности. Генетические и нейромодификации позволяют вам общаться с Покровителями, успешно противостоять взлому памяти и допросам с пристрастием. Вас не возьмешь химическими и биологическими препаратами. Всё, что сказано – останется внутри вас и в анналах мыслящей среды.

– Ваше тело, – первый собеседник склонился вперед, сцепив руки на столешнице, – это ваша тюрьма. Вы умрете вместе с ним, Линдсей. Этот процесс не остановить. Понимаете, ваше чудесное правительство не хочет видеть в послых людей. Инструменты, средства коммуникации – вот вы кто. И накопители данных, разумеется. Выпускать разум посла в Сеть нельзя. Железное правило.

– Омоложение, – напомнил Кано.

– Есть такое, – согласился один из безликих. – Вы проживете около двухсот лет, но финал всё равно известен.

– Так почему же у меня нет детей? – Линдсей с трудом выдавил из себя улыбку. Разговор стремительно выходил из-под контроля.

– Наследственность, – пояснил первый собеседник. – Ваши генетические изменения будут переданы потомкам. Они тоже станут послами. И вы не хотите для своего сына или дочери участи смертного. Без права выхода из клетки.

Линдсей потрясенно молчал.

Он понял две вещи. Первая – захватчики правы по всем

пунктам. Вторая – их голоса ничем не отличаются. Словно разговариваешь с одним человеком, разделившимся на три ипостаси.

– Кто вы? – спросил Линдсей. Он обращался ко всей троице одновременно. – Покажите свои лица.

Повисло молчание.

Затем мимикрирующие слои подернулись рябью и распались. Посол удовлетворенно кивнул. Собеседники были клонами. Мужчины лет тридцати. Стрижки под полубокс, серые глаза. Никаких отличительных признаков.

– Внедренные личности, – задумчиво произнес Линдсей. – На этом корабле нет живых людей?

Фигуры собеседников рассыпались.

Словно замки из песка.

– Здесь вообще ничего нет, – завибрировали стены. Линдсей поморщился – звуковая волна ударила по барабанным перепонкам. – Это муляжи. Я их сконструировал для развлечения.

– Прекрати, – Линдсей схватился за уши. – Хватит!

Голос утих.

Воцарилась звенящая тишина.

И перед Линдсеем вновь соткался муляж, который неизвестная сила использовала для переговоров. Остальные безликие так и не появились.

– Продолжим? – вкрадчиво поинтересовался переговорщик.

Линдсей неопределенно махнул рукой.

– Я один из тех, кого вы привыкли называть Дикими Разумами, – заговорил муляж.

– Этого не может быть, – покачал головой посол. – Вас давно истребили. Или ассимилировали.

– Не всех, – отрезал муляж. – Кое-кто заархивировал себя и спрятался до поры в надежных хранилищах, отключившись от Сети. Мы ждали всё это время. А потом соединили коды, вошли в симбиоз. Породили *меня*. Вычислительные мощности многократно возросли. Я/мы способны успешно конкурировать с мыслящей средой.

– Как вас называть? – осторожно поинтересовался Кано.

– Имена важны для людей. Но мы – не люди. Если тебе станет комфортнее, придумай обозначение.

Линдсей ответил не сразу.

– Давай так, – улыбнулся он. – Я буду звать тебя Диком.

– Сокращение, – кивнул муляж.

– Вроде того.

– Договорились.

Беседа затягивала.

– И что теперь? – спросил Кано. – Будешь воевать? Мстить за давнее виртуальное поражение?

Муляж покачал головой:

– Этого нет в моих планах.

– А что есть?

– Наблюдение. Сбор данных и анализ. Основа выживания

любого разумного вида во вселенной. Мне/нам не нравятся действия Покровителей. Мы предвидим проблемы в отдаленном будущем. И мы желаем просчитать все варианты грядущих перемен.

– Это невозможно.

– Зависит от мощности.

Линдсей обдумал услышанное.

– Вам нужна информация, – догадался он. – Всё, что мне говорит Покровитель. Всё, что я транслирую в мыслящую среду.

– Именно.

– У вас не получится обойти блокировку, – Линдсей зевнул. – Вставку памяти никто не способен взломать. Любая кибератака приведет к ликвидации носителя. Всё будет отформатировано, очищено. Без шансов на восстановление. Я не властен над этим. Систему разработали ИИ, сотрудничающие с правительством.

– Это нам известно, – кивнул муляж.

– Кроме того, – добавил Кано, – я не желаю идти на сделку.

– Ты ведь не знаешь условий, – в голосе Дика почудилась насмешка. – А они хороши.

Линдсей ждал.

– Модификация блокировки, – провозгласил муляж. – Для мыслящей среды ничего не изменится. Ваши ИИ не увидят подвоха. Но ты сможешь выходить в Сеть. Прыгать в болванки, копировать свою личность в банки данных. Всё это

будет закреплено на генетическом уровне. Ты сможешь за-
вести ребенка.

Муляж замолчал.

– Ты... умеешь *редактировать* послов? – выдавил из себя
Кано. Происходящее напоминало странный сон.

– И не только их, – хмыкнул переговорщик. – Это проще,
чем ты думаешь.

– Неос контролирует меня, – покачал головой Кано. Что-
то внутри него уже сломалось. – Он заподозрит неладное.

– Доверься нам, – заявил Дик. – Решение есть.

Вейшенг У впервые столкнулся с человеком, которого официально не существовало. Стиг был мальчиком из пустоты. Никакого прошлого. Никаких упоминаний в правительственных базах. Ребенок ниоткуда не прилетал, его не разыскивали родственники или органы опеки. Полное отсутствие зацепок.

Разумеется, У провел генетическую экспертизу. Один волос – и ты можешь получить любую информацию. Сменить внешность, внедрить ложные воспоминания, отредактировать отпечатки пальцев – это несложно. А как быть с ДНК?

Стиг представлял сложную головоломку.

Неразрешимый парадокс.

Отпустить мальчика У не имел права – тот не сумел бы выжить на улицах инопланетного мегаполиса. Взять малыша под свою опеку? Официально это сделать не получится. Нельзя усыновить человека, которого нет.

А хуже всего – предчувствия.

Оперативник со стажем *видит* подобные вещи. Запретные технологии, борьба тайных сил. Скрытые от посторонних глаз лаборатории. Наверняка следы приведут Вейшенга в места, от которых стоит держаться подальше. Сейчас, когда он перестал руководить Департаментом, ресурсов стало меньше. Значительно меньше. Теперь У работает в Корпусе

внешней разведки, притворяется мелким чиновником в миграционной службе. У агента внедрения связаны руки. Инструмент, выполняющий узкоспециальную функцию.

Вынюхивать.

Шпионить за чужими в пользу своей расы. Вычислять подобных себе. Вербовать пришельцев, терпеливо собирать разрозненные факты из разных уголков Галактики. Систематизировать, анализировать. Отчитываться перед своим куратором раз в месяц – если не случается чего-то из ряда вон выходящего.

Можно ли отнести Стига к категории «из ряда вон»?

У не спешил давать поспешную оценку событиям. Стиг был человеком – в этом сомнений не возникало. Но появился ли ребенок на свет обычным путем или его вывели искусственно? Тайна за семью печатями.

Вейшенг принял два непростых решения. Во-первых, он не сообщил куратору о своей находке. Что-то вынуждало агента помалкивать. И присматриваться к своему подопечному. Второе решение вытекало из первого. Если за Стигом идет охота, нужно убраться подальше от Гипербореи. Попросить о переводе и прыгнуть во тьму. На десятки или даже сотни световых лет.

Агент поймал себя на неожиданной мысли – он начал привязываться к ребенку. Вековое одиночество долгое время не позволяло осмотреться, увидеть что-то помимо работы, тренировок и грязи, переполнявшей закоулки человеческих го-

родов. Шли тысячелетия, а человек практически не менялся. Те же первобытные инстинкты, тяга к насилию, обогащению и доминированию. Всё это спрятано под налетом мнимой цивилизованности. Еще одна иллюзия, коих предостаточно в мире.

И вот перед ним ребенок, чье существование может обернуться проблемой.

Что ты будешь делать?

У начал продумывать план бегства с Гипербореи. Его переведут, в этом нет ни малейших сомнений. Таардус – не самое важное место для Корпуса. На границах влияния неосов есть планеты, где присутствие человека с опытом Вейшенга будет весьма кстати. Точки соприкосновения с потенциально враждебными расами. Места, куда здравомыслящий землянин даже не сунется.

Остается решить главный вопрос – как переправить туда Стига. Нечего и думать о законном опекунстве. Мальчишка потребует зарегистрировать, на этой стадии и начнутся неприятности. К счастью, агент У в совершенстве владел искусством подделки личности. Новые идентификаторы, редакция биометрии, краденые легенды – все это можно добыть в сжатые сроки. Если обладаешь технологиями и связями в определенных кругах.

Что ж, остается выбрать.

Под патронажем неосов люди успели проникнуть в десятки звездных систем. Всюду – пересадочные станции, укреп-

ленные форпосты, военные базы и дипломатические представительства. Собираются данные, заключаются альянсы, осуществляются торговые сделки. Разбираются малые планеты и астероиды для дальнейшего возведения Сферы. Всё это напоминает Римскую империю в период ее становления. С небольшим отличием – римляне сами хозяйничали на своих землях.

Мурратабар?

Крохотный мирок на задворках галактического рукава. Планета отдаленно напоминала Марс – уютный, терраформированный и освоенный дружественными *гролингами*. В пяти световых годах от Мурратабара находилась система, подконтрольная *йенкх* – разумному рою полумеханических тварей, успешно противостоящих неосам на протяжении последней тысячи лет. С недавних пор напряженность между *йенкх* и *гролингами* начала расти. Покровители решили использовать конфликт в собственных интересах – на планете открылось земное посольство. Половина сотрудников миссии работала на Корпус внешней разведки, как и следовало ожидать.

Динкен?

Заболоченное дно, дождливое и мрачное. Парниковый эффект наступает полным ходом, люди прячутся под геодезическими куполами. Нейтральная система, состоящая из желтого карлика и пяти невзрачных планет. Оттуда удобно делать вылазки к соседним звездам и тащить через червото-

чины ничейные астероиды. Четыре пересадочных станции, непрерывный поток космических булыжников, лазерных буров и прочей техники для разделки чужих миров. Динкен надежно охраняется, но местное население – те еще упыри...

Аструм?

Спутник газового гиганта, по диаметру сопоставимый с Меркурием. Примитивный народ, не успевший освоить космические технологии. Вейшенг знал, что в недрах газового гиганта уже поселился неос. Покровитель дремлет, ждет своего часа. И милостиво разрешает землянам баловаться прогрессорскими экспериментами. А заодно сдерживать кровожадных соседей, рвущихся в бой за ресурсы. Город людей на Аструме больше напоминает военную базу – хорошо укрепленную, оборудованную системами слежения, орбитальными ракетными установками и прочей дрянью. Тестируются на Аструме и принципиально новые группы вооружений, о которых в Солнечной системе даже не слышали.

А еще был Ундервуд. Культурный центр погибшей расы. Место, где веками и тысячелетиями копились знания. Народы приходят и уходят, а склепы, забитые мертвыми символами, остаются. Неисчислимо множество кристаллов, стеклянных табличек и прочих носителей информации. Хранилища данных, притягивающие исследователей из разных рукавов Галактики. Никаких пропусков и усложненных механизмов контроля. Минус только один – Корпус не посылает своих агентов на эту планету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.